

Любовь - одержимость.
Или спасение?...

На грани
ФУТБОЛА

ЛАНА МЕЙЕР

Лана Мейер

На грани фола

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47419736

Аннотация

Моя история могла случиться с каждой.

С любой провинциальной девушкой, которая переехала в большой город, встретила того самого человека... влюбилась и вышла замуж. Я даже не представляла, что всего через несколько месяцев, единственное, за что я буду благодарна мужу-тирану – наша дочь, которую он отнял у меня. Навсегда.

Уилл Астон беспощадно раздавит каждого, кто попытается встать у него на пути, и я знаю, что никто не осмелится играть против него.

Я не хотела стать твоей проблемой, Кайл.

И не хотела влюбляться в тебя, подвергать риску нас обоих, ставить перед выбором... Ведь у нас его нет.

Я всегда буду выбирать мужа. И ты знаешь причину.

А ты... ты никогда не пожертвуешь своей футбольной карьерой, чтобы бросить ему вызов. Не так ли?

Кайл: «Сама того не понимая, она вовлекла нас обоих в игру...

В игру, где любое нарушение правил может обернуться потерей жизни.

Но я выиграю эту борьбу любой ценой, даже если играть придется на грани фола».

[i]Внимание! 18+ Книга содержит нецензурную брань и сцены насилия.[/i]

Содержание

Пролог	5
Часть первая	29
Глава 1	29
Глава 2	70
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Лана Мейер

На грани фола

Пролог

*Если я тебя не встречу, то никогда не потеряю.
Остаться в живых*

Стефания

Лондон. 2012 год.

В эту самую секунду, я могу потерять все, к чему так долго шла.

Моя жизнь может разрушиться всего за пару недель и если два года назад, попав в Лондон почти «случайно», я чувствовала себя так, словно выиграла в лотерею у жизни, то теперь, ощущаю себя отчаянным игроком, который вынужден пойти ва-банк и поставить на кон весь заработанный куш.

Сначала жизнь преподнесла мне подарок, а теперь предъявила счет.

– Этот контракт даст тебе возможность остаться в Лондоне, Стефания. Больше я пока ничем не могу помочь. Если

ты и его не получишь, то я откажу тебе в пролонгации контракта с нашим агентством. Не пройдет и двух недель, как ты вернешься в Россию, – безапелляционным тоном заявляет Кларисса Смолл, окидывая меня своим фирменным хищным взглядом голодной пантеры сквозь линзы очков, имеющих угольно черную оправу. Хотя скорее, акулы модельного бизнеса и по совместительству, директора модельного агентства «ELLE», под крылом которого я работаю уже два года.

Именно столько прошло с момента, как я переехала из России в Лондон, будучи восемнадцатилетней девочкой, которая совершенно случайным для себя образом попала в модельный бизнес.

Да, именно «случайно». Я никогда не училась в специализированной школе, а позировать училась, просматривая популярные тогда шоу, например, «Топ-модель по-американски», прислушиваясь к советам несравненной Тайры Бэнкс¹. Может, где-то в глубине души я и мечтала о фотосъемках и подиуме, но у родителей просто не было возможности отправить меня в агентство. К тому же, мой рост составляет сто семьдесят сантиметров, и в большинство школ и агентств меня бы просто не взяли. Ну и последним поставленным «крестом» на карьере модели я считала довольно крупную родинку, красующуюся на моем лице чуть выше того места, где проявляется носогубная складка, когда улыбаюсь. Нет, она не огромная, но я, как и любая девушка, склонна к тому,

¹ Модель и ведущая шоу.

чтобы раздуть любой свой недостаток до размеров небольшой галактики. И сколько бы я не пересматривала фотографии Мерлин Монро и Евы Мендес, что являлись известными представительницами с похожей особенностью, я никак не могла поверить в то, что родинка является не моим недостатком, а изюминкой – конечно, о последнем всегда напоминала мама, и только благодаря ее словам я не удалила ее в тот же день, как заработала первые деньги.

Все произошло внезапно. На первом курсе университета меня пригласили поучаствовать в «мисс ТюмГУ» от нашей группы, и я до сих пор не понимаю, почему стала его победительницей. Наверное, мне помогла хорошая подготовка и невысокая конкуренция, а в конкурсе творческих талантов, я блеснула неплохим исполнением песни «My heart will go on». Поверив в себя, и немного словив «звезду», я, со своим невысоким ростом, заявила на кастинг городского конкурса красоты. Еще одно состязание за корону прошло как в тумане, я с головой погрузилась в подготовку к конкурсу, и совершенно забила на учебу, друзей и даже своих поклонников, которые заметили меня только после победы на «мисс». В городском конкурсе я не победила, но получила звание «мисс зрительских симпатий» и контракт с агентством «Мирель», от чьего имени я и начала свою внезапную, совершенно неожиданную для себя самой модельную карьеру. Стоит ли говорить о том, что я напрочь забыла про институт, несмотря на то, что годами готовилась к поступле-

нию и мечтала получить бюджетное место? В моем случае – именно «мечтала» и усердно зубрила все экзаменационные предметы, потому что родители бы просто не потянули оплату учебы. Более того, наша семья погрязла в долгах, и мне страшно даже вспоминать то время, когда я боялась, что в любой момент, мы можем лишиться крыши над головой.

Я получила за первую трехдневную съемку тысячу долларов.

Боже, у меня даже пальцы дрожали, когда я впервые взяла в руки столь баснословную сумму, и не могла поверить, что это – мои, честным трудом заработанные деньги, с помощью которых, я, наконец, смогу помочь родителям, решить свои проблемы, и возможно, сделать так, чтобы уже мои дети никогда и ни в чем не нуждались.

Это был шанс, первый звоночек, который зажег в моем сердце священное знание: в этой жизни возможно все.

Я решила, что ни за что не буду отказываться от волшебных возможностей, которые она предоставляла мне каждый день. И старалась не думать о том, к чему все это приведет, просто наслаждаясь моментом и тем, что я нашла работу.

Старалась не думать о том, что партия, которую затеяла со мной жизнь, может быть проиграна.

То, что произошло, я называю «эффектом козырей»: мы с папой любили играть в карты, и мне часто везло настолько, что игру я начинала, имея четыре или пять козырных карт из шести. Естественно, такой расклад в самом начале не все-

гда выгоден, и в самом конце кона у меня на руках уже не оставалось подобного преимущества. И сейчас, меня терзают примерно те же чувства, что испытывает человек, лишенный всех франтов в финале решающей партии.

Но я еще не проиграла. Нет. Я не могу вернуться в Россию, не сейчас. Только работая в Лондоне, я могу обеспечить не только себя, но и родителей, которых не возьмут на высокооплачиваемую работу (мама с папой год назад вышли на пенсию). Ну а про непутевого старшего брата, который изрядно подпортил им жизнь и лишил миллиона нервных клеток, даже рассказывать никому не хочется.

Дальше – больше. Моя карьера закрутилась по спирали, количество небольших съемок возрастало в геометрической прогрессии, и именно от своего агентства «Мирель» я была отправлена на конкурс совершенного иного масштаба – «Мисс Россия». Почему меня взяли с таким ростом? Лучше не спрашивайте. Я понравилась одному спонсору, и он явно рассчитывал на «благодарность» с моей стороны. Сейчас я даже его имени не вспомню, и встреч с этим влиятельным мужчиной я избегала, старалась пропускать мимо ушей разговоры девочек в гримерной об обеспеченных поклонниках, и их непристойных предложениях. О том, насколько легче будет подняться по карьерной лестнице, под покровительством богатого «папочки».

Я не хотела идти по такому пути.

Конечно, я знала, что стоит снять розовые очки и понять,

наконец, что я не стану одной из самых востребованных моделей страны просто так, по взмаху волшебной палочкой. Но я не сняла их, совсем нет. Я почему-то была уверена в том, что смогу добиться всего сама, да и мысль об эскорте и романах с зажавшимися мажорами мне претила.

Я просто была иначе воспитана. Наверное, поэтому, у меня к восемнадцати еще ни разу не было мужчины, несмотря на то, что мне всегда до одури хотелось влюбиться, открыться и довериться человеку, которого я сразу узнаю, выделю из толпы, как только увижу. Наивно и глупо? Может быть. Но пока большинство моих подруг заводили романы, просто, ради того, чтобы иметь статус неодинокой девушки, хватая практически первых встречных парней, я... не соглашалась на меньшее.

Мне нужен был кто-то Особенный. И раздвигать ноги за съемку покруче я не собиралась. Хотя, я была не прочь пофлиртовать с любым из претендентов на мое сердце, а после уйти «по-английски», сделав ему ручкой.

То время было довольно тяжелым в моей жизни, постоянные нервные срывы и сумасшедшая подготовка к конкурсу в безумном ритме, сжимала грудную клетку. Сковывала изнутри, мешала дышать.

Я не была удостоена ни короны, ни одного из званий, но именно этот глобальный конкурс красоты стал моим билетом в Лондон и началом сотрудничества с международным агентством «ELLE».

Если бы мне хоть кто-нибудь сказал, что это будет не «билет в Лондон», а «билет в ад»... хотела бы я повернуть время вспять, и разорвать его на мелкие кусочки?

Нет. Почему? Совсем скоро вы узнаете и поймете меня. Уверена, что на моем месте, ни одна из вас не хотела бы изменить ход событий, даже заранее зная, что предстоит пережить... вынести.

Итак, я оказалась в Лондоне. Год усердной работы, строгой диеты, и регулярного недосыпа вывели меня на новый уровень – сотрудничество с мировыми брендами косметики и одежды масс-маркета вскружило мне голову. Слегка. Новая страна, потрясающий, но довольно часто серый и туманный Лондон казался мне нереальным сном, где каждый день пролетал за одну секунду – съемки могли длиться по пятнадцать часов в день, и зачастую я жила в студиях и буквально не видела солнечного света. В голове непрерывным набатом звучала всего лишь одна установка: мне во чтобы то ни стало нужно заработать денег, и работать, фактически, не смыкая глаз, чтобы остаться на плаву. Быть конкурентоспособной и востребованной моделью, которую ждет, черт подери, нормальное будущее, а не облезлые стены в общежитии на окраине Тюмени. Потому что я прекрасно понимала, что если не получится в этом бизнесе, я еще не скоро смогу найти нормальную работу без образования, и единственная достойная должность, на которую я смогу рассчитывать это продавец-консультант в одном из тех магазинов масс-марке-

та, на чьих плакатах сейчас красуется мой силуэт.

Да и мысль о том, что я не смогу помогать родителям бросала в холодный пот и ужас. Не хочется, конечно, выглядеть совсем жалко и рассказывать, как в школе меня дразнили за одежду из секонд-хэнда, и потертые ботинки, открывающие «рот». Но да, бывало, и такое, и теперь, каждый раз, когда я надеваю ботфорты от «Stuart Weitzman», чтобы пройтись по осеннему Лондону, я испытываю нереальный кайф просто от того, что смогла доказать своим обидчикам, что труд, терпение и немного времени, способны перевернуть жизнь на сто восемьдесят градусов.

Думаете, моя жизнь стала похожей на сказку? О, нет. Такой «сказки» не пожелаю ни одной из вас, но обо всем по порядку.

После года интенсивной работы, приправленной огромным стрессом из-за переезда в другую страну в полном одиночестве, я стала эмоционально выгорать. Хроническая усталость, депрессивные мысли сказывались на том, как я выглядела и вела себя на съемках, и предложений о сотрудничестве стало меньше, но я не могла взять себя в руки, как и не могла съездить отдохнуть, потому что превратилась в огромный поезд, который мчался по построенным рельсам. Я не позволяла себе остановиться – ведь нужно было оплачивать счета за квартиру, отправлять деньги семье, да и саму себя иногда баловать...

Все меньше заказов становилось еще и по той причине,

что я не посещала светские вечеринки для моделей, презентации брендов и журналов, и причины у меня на то были веские – терпеть не могла, когда на меня смотрят, как на товар. А именно так и обстояли дела в «кулуарах» – не знаю, как насчет мирового уровня, но многие модели среднего звена спешили поскорее найти себе покровителя и спонсора, который поможет им подняться в святая святых: недели моды и показы Gucci и Prada.

Я почувствовала себя грязной, стоило мне лишь переступить порог подобной вечеринки. И больше я этого не делала, и не собиралась, предпочитая провести вечер наедине с собой: ванна с ароматной пеной, интересная книга или два куска пиццы, пропадающие во рту еще до того, как на экране пятничного фильма появлялась надпись «Секс в большом городе». Раз в неделю я баловала себя любимой гадостью, чтобы потом еще шесть дней корить себя за выпирающие по модельным меркам бока и округлившийся животик. Конечно, я замечала мужские взгляды на себе не только на таких вечеринках, но и в фитнес-центре, но ни одному из них до сих пор так и не удалось заглянуть в душу. Чувство того, что мое сердце заковано в стальной кокон, не отпускало, но я гнала мысли об одиночестве, еще глубже погружаясь в работу, словно в темный тоннель, из которого нет выхода.

Но... как вы уже поняли, модельный бизнес очень жесток. Тебя быстро забывают, если ты не являешься «интересной» личностью, овеванной сплетнями и слухами. Не устраива-

ешь скандалы? Не являешься любовницей магната из списка Forbes? Поздравляю, ты не модель, а лишь безликое лицо и очередное кукольное тело, теряющееся среди тысяч других на сайтах масс-маркета.

Вот он, мой уровень. Неопределенное нечто, рекламирующее тряпки...

Добро пожаловать в мой мир, где набранные пару кило равносильны концу света, а от постоянного тяжелого макияжа и укладок утюжком портится кожа и волосы. В мир, где я вижу себя на страницах журналов со слоями фильтров и фотошопа, а потом с удивлением рассматриваю несовершенства в зеркале. Я, конечно, люблю себя, но разница между «искусственной» Стефанией и Стеф в отражении, как ни крути, существенна.

И сейчас, я должна разорвать себя на части, но наскрести себе долбаные выгодные контракты, чтобы остаться в модельной «игре».

– Спортивная одежда? – слегка поджимаю губы, рассматривая каталог, который Кларисса швырнула на журнальный столик пару минут назад.

– Да, этот бренд является проектом футбольного клуба «Астон». Чемпионат Англии тема номер один во всех заголовках, и клуб зарабатывает тысячи фунтов на продаже мужской формы. Но этого им, как видишь, мало. Они запускают женскую линию спортивной одежды и открывают несколько магазинов в центре Лондона. Если понравишься

им – станешь одним из амбассадоров бренда и получишь контракт с «ELLE» еще на год. Как следствие, останешься в Англии, Стефания, – Клэр испепеляет меня яростным взглядом, нервно водит кончиками аккуратных ногтей по столу. Ее гнев связан с тем, что я подвела ее на нескольких последних кастингах – падала в обморок, вела себя непрофессионально, срываясь на всех подряд, у меня элементарно сдали нервы. Клариссу Смол не волнует, что у меня «профессиональное выгорание». Ей нужен результат, иначе – она выставит меня за двери агентства без шансов на возврат. – Надеюсь, ты понимаешь, что нелегально оставаться здесь чревато. Без этого контракта твои шансы на продление визы очень малы. Можешь начинать мониторить билеты в Россию, – добавляет в конце Клэр для большего давления на мою психику.

Не стоило так утруждать себя красивыми словами. Я, итак, прибита ножами к стенке и нахожусь на грани отчаянья.

– Клэр, я не собираюсь опускаться еще на один уровень ниже. Спортивная одежда, – скептически фыркаю я, возводя глаза к потолку. – Есть другие варианты? Дай мне шанс, я пойду на нормальный кастинг, и я получу более выгодный контракт, – уверенно заявляю я, глядя в черные глаза Клариссы, которая тут же останавливает мою бурную речь, движением руки, разрезая воздух ребром ладони.

– Стефания, шансов было предостаточно. Ты сама их по-

теряла, отказываясь выкладываться в последние месяцы. Ты уже не та, что раньше, а тебе ведь всего двадцать, детка. Это бизнес, Стеф, и выживают здесь сильнейшие. Знаешь, два года назад в тебе был потенциал и так глаза горели... я думала, что у тебя большее будущее, и что к настоящему моменту ты уже поработаешь на неделе моды в Нью-Йорке и Милане, несмотря на свой невысокий рост. А сейчас, Стеф, бренд «Астон» это все, что я могу тебе предложить. Либо сразу билет домой. Сейчас ты не конкурентоспособна и имей в виду, что это место я предложила еще и другим девочкам из агентства. Так что будь добра, иди, пока я не передумала. Мне очень жаль, но сама понимаешь – мне нужны только те девочки, которые приносят деньги, которых покупают, которых заваливают предложениями сами! Нам нужны только самые лучшие, остальные долго здесь не задерживаются, – категорична в своих взглядах Клэр.

– Хорошо, – сжав зубы, натянуто улыбаюсь Клариссе, прижимая к груди прошлогодний каталог одежды «Астон». – Я получу это предложение, останусь в «ELLE» и через год ты будешь уже меня умолять, чтобы я не сменила агентство, – уверенно обещаю мисс Смолл я, перед тем как закрыть дверь в ее кабинет с другой стороны.

– Такой настрой мне нравится, Стефания. Вот теперь я тебя узнаю, – благосклонно отвечает Клэр, на что я отвечаю выразительным хлопком дверью.

Остается два часа до начала кастинга и чтобы немного

успокоить нервы и подавить чувство тревоги, расцветающее в груди, я захожу в ближайший Starbucks на людной и шумной Оксфорд-стрит. В глазах слегка рябит от броских и ярких вывесок самых популярных магазинов, и пока я пробиралась через утренний поток туристов и тех, кто спешит на работу, меня пару раз случайно толкнули, тут же бросив искреннее «простите». Ни одна фраза не произносится мной чаще, чем «oh, sorry», хотя не всегда есть время и желание подстраиваться под британский менталитет и извиняющееся улыбаться каждому, кого я невзначай задела. Несмотря на шум города и нескончаемый поток людей на одной из главных торговых улиц города, так приятно затеряться в толпе. К сожалению, за два года жизни в Лондоне, я фактически нигде не была, но уже привыкла к этому уютному и чистому городу, удобству и к английскому языку, который легко выучила, находясь в среде его носителей. Бывало, Лондон обволакивало легким туманом, что проникал в легкие и морозил нос, но на самом деле слухи о промозглости этого города оказались сильно преувеличены. Частые дожди совсем не мешали солнечным дням, а частая смена погоды, добавляла городу особой атмосферы, и менялась также как и мое настроение.

Через час после прогулки и утреннего кофе, я сижу в приемной кастинг-директора: на мне ни грамма косметики. Тут довольно прохладно, хотя думаю дело в том, что из одежды на мне лишь скромное черное бикини на завязочках.

Нервно расчесываю волосы, исподлобья наблюдая за своими конкурентками. Передаю портфолио ассистентке, и отрабатываю пару стандартных поз у зеркала в полный рост. Беглым взглядом оцениваю себя в отражении, собирая длинные светлые волосы в небрежный пучок на затылке. Не думаю, что сегодня многое будет зависеть от того, как я пройду и представлю себя: я думаю, работодатели уже изучают мое портфолио и выносят предварительное решение. Дефиле – лишь формальность, ведь как я понимаю, «Астон» нуждается в фотомодели, что является для меня безусловным плюсом из-за моего роста невостробованного на показах.

– Стефани Кован, – вздрагиваю, как только слышу свое имя, в очередной раз радуясь тому, как красиво вписалась моя несклоняемая фамилия в мою новую жизнь. Мой взгляд встречается с полными презрения и зависти глазами ассистентки, на губах которой замерла дежурная улыбка. Платок на ее шее делает ее похожей на стюардессу, как и движения рук: жестом она приглашает меня в комнату, где решится мое будущее.

Задумывались ли вы когда-нибудь об «эффекте бабочки»? Как всего один шаг, один крошечный момент, может изменить всю вашу жизнь?

Наверное, это был тот самый момент. Миг, который я готова проклинать всей душой и одновременно беречь в сердце.

Не изменяя своей традиции, еще до того, как пересту-

пить порог комнаты, упираюсь кистью руки чуть выше бедра и включаю модельную походку, автоматически расправляя плечи. Едва заметная улыбка, томный взгляд... всему этому нас обучали, и моя задача – красиво пройти до стола с жюри, представиться и показать несколько базовых поз, покрутиться, позволив рассмотреть себя со всех ракурсов. Если я их заинтересую, то представители бренда обязательно завяжут со мной разговор, и зададут пару вопросов – стандартная процедура, с которой я сталкивалась сотни раз...

Но все идет не по сценарию в тот момент, когда сделав пару шагов, я запинаясь на ровном месте – тело вдруг наливается свинцовой тяжестью, ноги становятся слабыми, будто превращаются в вату. Что-то незримое, неуловимое, но цепкое и едкое, словно пары ртути проникает под кожу.

Мгновенный. Парализующий. Яд.

Чудом мне удастся устоять на ногах, и я продолжаю дефилировать, как ни в чем не бывало, но каждый шаг превращается в гребаную борьбу с самой собой – мне становится душно и жарко, при всем этом кожа и без того неприкрытая одеждой, покрывается мурашками, обнажающими мои истинные чувства и неуверенность.

Я не сразу понимаю, на что так реагирует мое тело, и что произошло, пока не встречаюсь с взглядом черных глаз, принадлежащих мужчине, что вопреки моим ожиданиям, стоит у стола, возвышаясь над другими членами жюри, которыми являются довольно похожие девушки с каменными выраже-

ниями лица и все теми же платочками стюардесс на шее.

Все в его образе: начиная позой, заканчивая подобранной одеждой и дорогим парфюмом, кричит мне о властности и бескомпромиссности его характера. Сильный, взгляд прикован к моей фигуре, и скользит по нему словно прицельный лазер сталкера по телу жертвы.

Я бы дала ему тридцать пять лет, и я понятия не имею, кто этот мужчина, но то, как он на меня смотрит, вызывает жуткий дискомфорт и желание убежать с этих «смотринок». Я бы не назвала его взгляд пошлым, сальным, или даже отвратительным, как взоры тех мужчин на светских вечеринках... скорее, наоборот. Животрепещущий, выворачивающий наизнанку, и в то же время интригующий своей силой.

Чувствую, как язык прилипает к небу, и внезапно мне кажется, что он способен видеть сквозь ткань и уже давно ментально лишил меня крошечного бикини. Ощущая себя в высшей степени непрофессионально и неловко, я изо всех сил держу лицо и осанку, продолжая совершать отточенные, как я думала до совершенства действия.

Мужчина раздвигает тонкие, но четко очерченные губы в легкой усмешке, его брови едва заметно приподнимаются, пока он продолжает сканировать меня, и по его поведению совершенно ясно, что он давно в курсе, какое влияние оказывает на женщин и почувствовал мое стеснение и смущение.

Черт, я должна выдохнуть. В нем нет ничего такого, что

должно смущать меня, кроме глаз, напоминающих портал в бездну, власти и силы... бьющей наотмашь, сбивающей с ног.

Взмахиваю волосами, позволяя себе подобную вольность, сердце в груди стучит с рваными перебоями. От страха и ужаса или от того, что я, черт возьми, нахожу его привлекательным? Не просто красивым мужчиной, а узнаю в нем что-то... что давно искала? Так трудно объяснить, но это чувствуется сразу. Когда к незнакомому человеку тянет так, словно на ваших телах заранее установлены невидимые магниты, способствующие взаимному притяжению.

Кажется, я здороваюсь со всеми членам жюри и улыбаюсь еще шире, позирую и поворачиваюсь вокруг своей оси. Направляюсь к двери, ощущая взгляды, скользящие по моей спине и бедрам. И когда я дохожу до натянутого полотна для пробной съемки, и снова оборачиваюсь, мое сердце буквально переворачивается, теснится в груди, потому что как только я это делаю, я фактически сталкиваюсь лбом с грудью мужчины.

Мягко говоря, он нарушил мою зону комфорта. Борясь, с овладевающей душой паникой, кидаю взор в сторону присутствующих на кастинге женщин, но в ответ на мою немую просьбу о помощи, все четыре разом опускают взгляды, словно ничего необычного не происходит.

– Ты мне понравилась, Стефания, – вот так вот просто, заявляет мужчина, обдав мое лицо горячим дыханием, и раз-

дразнив мой слух своим низким, обволакивающим голосом. Ощущаю в горле невероятное жжение, словно в меня на- сильно влили стакан виски. И этот жидкий огонь спускается ниже, когда он поддевает мой подбородок властным движе- нием. Слегка сжимает, еще больше овладевая моим личным пространством.

Черт, куда я попала?

– Но ты... слишком зажата. Хотя в моем присутствии де- вушки ведут себя именно так, – произносит мужчина, заты- гивая в обсидиановый омут своих глаз. И нарочито мягко добавляет: – Сначала зажаты.

Нервно сглатываю, наконец, осознав, что не сопротивля- юсь его влиянию, и до сих пор не произнесла ни слова. А сказать мне есть что.

– Я модель, а не гимнастка, мистер...

– Астон, – представляется он, раздвигая губы в повели- тельной, но уже искренней улыбке. Белоснежные зубы сия- ют, беззвучно заявляя о статусе этого мужчины. – Уилл Ас- тон. Я так понимаю, за прессой вы не следите. Это хорошо, Стефания. Все дело в том, что мне нужны модели, которые будут транслировать то, что женщина может и должна быть сексуальной даже в спортивной одежде. Понимаешь, о чем я?

Понимаю, мать твою. Понимаю, что не нужно бежать от- сюда, как можно скорее. Сексуальность ему нужно трансли- ровать... ох.

– Тогда, боюсь, что не подхожу вам, – уже сама вскидываю подбородок, находясь по-прежнему во власти его прикосновения.

Я не в том положении, чтобы делать такие заявления. Я просто не имею права потерять покровительство «ELLE» и рабочую визу в Великобритании... но я не собираюсь быть тем, кем я сейчас не являюсь, лезть из кожи вон, чтобы понравиться этому Астону, от которого, как ни крути зависит вся моя дальнейшая судьба.

– Ошибаетесь, Стефания. И я думаю, вы не в том положении, чтобы спорить с потенциальным работодателем, – на мгновение, мне кажется, что я вижу вспыхивающие красные искры на радужке его черных глаз, легкое головокружение заставляет меня пошатнуться на каблуках. Мистер Астон медленно опускает взгляд на мои губы, приоткрывая свои. Это уже слишком. Столь интимный жест окончательно взрывает вулкан эмоций, бушующих у меня внутри.

Инстинктивно я делаю резкий шаг назад, отталкиваясь от груди Астона широко раскрытыми ладонями. У меня на языке крутится весьма красноречивые ругательства на русском, но учитывая то, что любое мое неосторожное движение или слово может сломать весь тот карточный домик модельной карьеры, что я так долго строила, мне приходится держать себя в руках.

Я понятия не имею, кто он, но он вполне может оказаться не последней фигурой в этом бизнесе, и как бы я не хоте-

ла послать его к черту, несмотря на его привлекательность, подписывать смертный приговор мне совсем не хочется.

Ненавижу свою работу. Ненавижу в тот момент, когда приходится прогибаться под некоторые обстоятельства.

– Я так понимаю, мое дефиле окончено? Тогда я пойду, – самый лучший выход из любой непонятной ситуации – это взять и уйти, что я и попыталась сделать, ведь если я заинтересовала их, как модель, они обязательно свяжутся с моим агентством в ближайшее время. Но как только я поворачиваюсь, Астон ловит мое запястье, и его хватка на моей руке ощущается как наручник, раскаленный добела.

– Ваше дефиле окончено, мисс Кован, – медленно проговаривает Астон, вновь вводя меня в оторопь, сражая своей силой. – Но я надеюсь на наше общение, Стефания. Я бы хотел пригласить вас на ужин.

Что? Простите, это кастинг или съемки бразильского сериала? Что он несет? Я действительно ему так сильно понравилась, и он просто хочет поближе познакомиться со мной, или Астон из тех, от кого стоит держаться подальше?

– Вы всех моделей приглашаете на ужин? – язвительно бросаю я, опуская гневный взгляд на свое запястье, скованное его ладонью.

Конечно, этот мужчина привлекателен. И если он ведет себя так самоуверенно и нагло, это вовсе не значит, что он маньяк или психопат, которому нужно от меня только одно.

Более того, он выглядит действительно порядочным, несмотря на присущую ему жесткость. Хотя, почему я его оправдываю? Адекватный мужчина не станет приставать ко мне на кастинге, а создаст более уместную атмосферу для того, чтобы пригласить меня в ресторан. Или такие привыкли получать все и сразу? Если это так, то ему не стоит терять время. Со мной «сразу» не получится. Даже если передо мной местный магнат. Да хоть сам принц Гарри.

– Честно говоря, такое впервые. У меня нет времени на знакомства с девушками, Стефания. Прости, если я напугал тебя. Просто не хочу потерять из виду, – мягко смеется Астон, и я, наконец, вижу более человеческую и «настоящую» маску на его лице.

– Почему именно я? – упрямо интересуюсь я, поглядывая на женщин за столом, что не обращают на нас внимание.

– Родинка, – отвечает Уиил, отпуская мое запястье, но прикасаясь к щеке. – Взгляд зацепился. И твои глаза. Только у русской девушки может быть такой взгляд. И акцент.

– Мистер Астон, спасибо за ваше приглашение. Но мне нужно идти, – и снова я пытаюсь покинуть эту чертову комнату, где каждый атом пропитан напряжением, возникшим между нами.

И я снова пытаюсь освободиться из плена малознакомого мне мужчины, но, кажется, он совершенно не принимает отказов и не понимает слова «нет». Все происходит слишком быстро, и я вполне естественно и остро реагирую на то, что

Астон нарушает все грани дозволенного – грубо удерживает меня за подбородок, так, что его большой палец больно врежется в мою нижнюю губу. Всего мгновение длится наша невербальная схватка из горящих взглядов, а потом моя рука автоматически поднимается вверх и с размаху касается его скулы.

Внутреннюю сторону ладони жжет от удара и колет от соприкосновения с его щетиной. Под кожу врезаются тысячи игл, пропитанных ядом его ярости, но мне уже плевать на то, что я только что ударила своего возможного работодателя. Это уже неважно. Он не имел права ко мне прикасаться, удерживать меня на месте, и вообще, приставать в рабочее время.

Пусть я недотрога. Да, я не могу наступить себе на горло, засунуть подальше свою гордость и стелиться перед ним, чтобы любой ценой получить контракт, который спасет меня от возвращения в страну, где я никому на хрен не нужна, как и здесь, впрочем... плевать. Я уже его ударила, я уже перечеркнула свое будущее и мечту оказаться на обложке VOGUE легким взмахом руки... будь что будет.

По крайней мере, я осталась верна своим принципам, и разрушила стереотипы в голове этого «бриташки» о русских девушках – не все мы доступные и готовы раздвигать ноги, в обмен на деньги и славу.

Моя подруга из модельного бизнеса Мишель, сказала бы, что я дура. Может быть. Но, по крайней мере, все еще оста-

юсь верна себе в этом серпентарии из змей и таких вот, ящеров.

Я даже не стала тратить время на то, чтобы поймать его взгляд, разглядеть реакцию Астона на свой нелегкий удар. Я просто повернулась и покинула зал, за те две секунды, что он пребывал в шоке от моего поступка. Кажется, здание я покинула просто накинув легкий тренч, даже тратить время на то, чтобы застегнуть пуговицы не стала.

Я сбежала с места преступления, ушла по-английски... слезы стекали по щекам, и я уже во всю гуглила дешевые билеты в Москву, в уме рассчитывала, хватит ли мне накопленных денег, чтобы жить, ища новую работу.

Поток моих слез прервал телефонный звонок, и нехотя я взяла трубку, недовольно поджимая губы. Это Кларисса, наверняка спешит размазать меня по стенке, и окончательно испортить настроение.

– Детка, а ты оказалась быстрее, чем я думала. Вот это хватка. Кастинг еще не закончен, а мне уже позвонили из «Aston» и сообщили, что берут тебя и еще одну девушку из другого агентства. Что ж, конкуренция – это замечательно. Готовь документы, я собираюсь продлевать твою визу, – сначала мне показалось, что я сплю, сердце пропустило удар.

Я прикоснулась к губам той рукой, которая все еще горела от соприкосновения с кожей Уилла Астона.

Тогда я еще не знала, что ударила своего будущего мужа и не только владельца футбольного клуба «Астон», но и одного

из самых влиятельных людей Великобритании.

Встреча с этим мужчиной разрушила мне жизнь. Но за одно, я всегда буду ему благодарна...

Часть первая

Глава 1

Было бы здорово ограничиться сексом, но обернулось совсем по-другому. Что-то случилось. Непонятно как, но мы с ним уже вовлечены в игру.

(с)

Нью-Йорк, я люблю тебя

5 лет спустя

Кайл

– Парни, вы осознаете, что мы его теряем? – беглым взглядом окидываю всех присутствующих на мальчишнике моего лучшего друга и бывшего сожубника по «Лестер Сити» Стивена Нойера, и останавливаюсь на этом несчастном, что окончательно обезумел и решил в двадцать семь лет стать заложником уз брака и своей очаровательной, но чертовски ревнивой невесты. Seriously, если Джесс узнает о том, какую программу для Стива мы запланировали на этот вечер, она

разделяет его также как одно из своих фирменных блюд.

Не знаю, что толкнуло друга на такой необдуманый поступок, ведь совершенно очевидно, что жениться в таком возрасте, когда молодость и горячая холостяцкая жизнь еще впереди настоящее самоубийство. Более того, эти двое безоговорочно влюбленных друг в друга запланировали венчание – что может быть глупее, чем перед Богом поклясться, что до конца жизни будешь заниматься сексом лишь с одной женщиной?

Это просто невозможно, черт подери. Представить не могу, что мне когда-либо хватит одной. Если и появится в моей жизни та, что сожмет в ладони не только мой член, но и сердце, то едва ли это будет навечно. Рано или поздно надоест даже самая идеальная девушка – через месяц, через год, через десять лет, это неважно. Ни одна женщина не способна удерживать внимание мужчины вечно, а большинство из них меняют кружевное белье на бесформенные антисексуальные шорты, как только на их безымянном пальце появляется кольцо. Одинаковый секс, одни и те же эмоции превращают искры страсти в рутину, а то, что вчера казалось ярким и насыщенным, становится безвкусной жвачкой, которую хочется как можно скорее выплюнуть. Поэтому я считаю глупым давать обещание, которое можешь нарушить в любой момент.

Мой принцип прост: никаких обещаний, никаких ожиданий и глубокой привязанности. Никаких «навсегда» и «моя»

и «твой». Оставим это для сопливых романов и Голливуда. Хорошо проводить время вместе можно и без лишних слов и планов.

И если когда-нибудь женюсь, это явно будет в другой жизни: наверняка я буду уже чертовски стар и закончу футбольную карьеру. Мое имя станет великим, карьера ярким и ослепляющим воспоминанием, а мой тренерский кабинет будет заставлен медалями, кубками и другими трофеями самых масштабных чемпионатов страны, Европы и наконец, всего мира.

Да уж, скучные будут времена... мое имя уже перестанет пульсировать в висках любого футбольного «наркомана» и вибрировать на губах безумных фанатов, кончающий подо мной. Немного иронии и самоуверенности не помешает. Может быть, жестко и даже примитивно, но я люблю все говорить прямо и не собираюсь строить из себя святого, каким не являюсь.

В конечном счете, все, что имеет значение для меня это футбол, семья и секс – и именно в такой последовательности. Наверное, я женат на своей карьере, а девушки обычно требует слишком много внимания.

– Кайл, я же не умираю, – ухмыляется Стив, обращаясь ко мне, запрокидывая голову и прижимая бокал, наполненный крафтовым пивом к губам. – Всего лишь женюсь, – мы с Дэни и Томом повторяем его жест, и хмельной, восхитительно горьковатый вкус согревает горло.

– *На лучшей девушке на свете!* – в один голос горланит мы, издеваясь над Нойером. Он самый большой романтик в нашей компании и любит произносить эту фразу с судорожным придыханием. Черт, у меня в жизни так повторить не получится.

– Зависть – плохое чувство, парни, – с превосходством смотрит на нас Стив, опустошая свой бокал до дна.

– Проверим твою выдержку, Стив. Надеюсь, ты не откажешься от нашего подарка, – многообещающим тоном произносит Томас, и по щелчку его пальцев в воздухе, в нашу chill out зону клуба, отгороженную от остального пространства темно синими портьерами, заходят пять стройных, но обладающих пышными формами и выразительными изгибами девушек. Их потрясающие тела облачены лишь в короткие кожаные шортики и топы, едва прикрывающие грудь. Волосы собраны в высокие хвосты, а глаза куколок кажутся черными и томными из-за обилия косметики вокруг них. Том и Дин хором присвистывают, и продолжают толкать Стива на предсвадебный грех, пока я равнодушным взглядом окидываю каждую из подобранных лично Томом девочек, и отвожу взор в сторону – мы расположились на втором этаже клуба, и отсюда прекрасно видно все, что происходит в портьерной зоне этого обезумевшего маскарада.

Но «Black Horse» это не обычное увеселительное заведение, а загородный клуб, где собирается избранная публика, способная внести ежегодный вклад, который обходится

в круглую сумму. Подобные клубы очень распространены в Англии, но попробовав членство в нескольких из них, я остановился на этом: «ВН» отличается от многих других тем, что здесь сдержанная английская роскошь и изысканность спокойно сочетается с современным стилем жизни. Не считая специализированных балов в третью субботу месяца, можно расслабиться и забыть о джентельменских манерах, светских беседах и фальшивых улыбках, каких много в других таких заведениях, где каждый второй мнит себя особой «голубых кровей».

Однако, в «ВН» есть и кое-что интересное и классическое: например, еженедельные скачки, фехтовальный клуб, гольф. Все это отлично помогает сбросить стресс перед началом сезона.

И сейчас мы находимся в самом современном и высоком здании «ВН», и нам не приходится скучать под классическую музыку, потому что утопающий в неоновых сине-лиловых тонах клуб, раскачивает новый трек Drake`а.

Продолжаю пристально изучать танцпол клуба, на предмет новой и более интересной, чем эти шлюхи, жертвы, но не вижу ничего кроме бурно веселящейся «золотой молодежи» под кайфом. Конечно, никого и никогда не поймают за руку, репутация клуба кристально чиста, и ни одна случившаяся здесь грязная история, никогда не покидает его стен... почти местный Вегас с его девизом «Все, что произошло в Вегасе, останется в Вегасе». Создатели клуба и организаторы досу-

га внимательно следят за тем, что здесь происходит, и забирают телефоны и камеры у всех гостей, заставляя каждого пройти через рамку металлоискателя, для того чтобы гости могли чувствовать себя здесь в полной безопасности.

– Сладкий, ты не хочешь развлечься? – мягкое мурлыканье одной из девушек, что уже всю трется о мое плечо своей пышной и вываливающейся из тесного топа грудью, вырывает меня из потока мыслей. Я даже теряю из вида девичью фигурку, от которой так и веет таинственным одиночеством: девушка сильно выделяется из толпы, тем, что тихо потягивает коктейль за барной стойкой. Несмотря на то, что я не могу разглядеть ни ее фигуру, ни внешность должным образом, загадочной дымки, окутавший ее образ, достаточно, чтобы зацепить мой плывущий взгляд.

– Хочу, – ухмыляюсь я, скептически глядя на то, как шаловливые пальчики дешевой девицы скользят по пряжки ремня на моих брюках, норовя опуститься ниже. – Но не с тобой, – произношу после легкого и ленивого поцелуя в ее не сладкие губы.

Она пахнет сигаретами. А я ненавижу курящих девушек. Эмилия никогда не курила. И всегда пахла карамелью и шоколадом – эта девочка была жуткой сладкоежкой, а я главным поставщиком и дилером ее наркотика.

Боковым зрением наблюдаю за тем, как напряжен на своей части дивана Стив, в то время как Том и Дэни увлеклись настолько, что думаю, им вчетвером пора уединиться.

Знаю, Стивену хочется в последний раз дать волю своим демонам и развлечься с этими горячими шлюшками, но долбанные настоящие чувства сильнее желания одноразового траха, и единственный страх, который мешает ему пойти на поводу у своей похоти это страх ее потерять.

Страх потерять... мне уже некого терять в этом плане.

Я был влюблен так давно, что думаю, это был не я. И единственная девушка в мире, которая была «навсегда» и «моя», уже умерла. И вместе с ней я похоронил свое сердце и ту часть себя, которая была способна на романтику.

Музыка бьет по вискам и разрывает барабанные перепонки, и к тому моменту, когда я окончательно устаю принимать навязчивую ласку девицы с хвостиком, Дэни и Том находятся уже в полном алкогольном и эротическом угаре, а виновник торжества Стив – мирно посапывает на кожаном диване в обнимку с бутылкой Джека. День и вправду был трудный и я бы с удовольствием последовал бы его примеру. От количества выпитого у меня слегка двоится в глазах и я слабо припоминаю, что скоро в мою жизнь войдет строгий «сухой закон» вместе с началом сезона. Сейчас не лучшее время для алкоголя, но разве меня когда-то волновали правила и установки тренеров? В спорте нет ничего важнее дисциплины, но порой я не могу отказывать себе в слабостях. Главным остается то, что выходя на поле, я умираю, оставляя там всю свою внутреннюю энергию, внимание и физическую силу. Хотя... как бы я тут не хорохорился и не считал-

ся одним из самых востребованных игроков на поле, сейчас моя карьера переживает не лучшие времена. И новый сезон – шанс все исправить, заставить фанатов забыть об ошибках, допущенных мной, как и в игре за «Лестер», так и в крупных мировых чемпионатах... некоторые моменты из жизни вспоминать не хочется. Когда главный форвард двадцать раз за игру бьет по воротам, и попадает в штангу или перекладину – это не «ошибка», не случайность, а смертный приговор и гнев болельщиков.

Мой первый матч за футбольный клуб «Астон» состоится всего через несколько дней, и завтра в двенадцать дня я уже буду на тренировке, ну а пока...

На короткое мгновение я ловлю далекий взгляд одинокой блондинки, и, несмотря на то, что не вижу ее глаз... ощущаю нечто такое, что заставляет меня откинуть в сторону заказную шлюху, и улыбнуться мисс *Одиночество*. Она тут же отводит взгляд, и поворачивается ко мне обнаженной спиной, которую не скрывает данная модель серебристого платья. Волосы мягкими волнами прикрывают ее лопатки, но открывают моему взору то, что ниже и куда интереснее... я бы хотел избавить ее от этой ткани, и оценить ямочки над поясницей и наверняка неплохую попку.

Режим «охотника» мгновенно активизируется, как только я понимаю, что ее первоначальный интерес в мою сторону пропал. Мне просто жизненно необходимо завладеть им снова. Не так часто я встречаю девушку, что способна от-

вернуться от меня и сделать вид, что остыла, но именно это всегда и цепляет мое внимание. Большинство из них готовы продать душу дьяволу лишь бы переспать с популярным футболистом. Недолго думая, я прощаюсь с парнями коротким кивком головы, направляюсь к лестнице, ведущей к портьерной зоне клуба и барной стойке.

И вновь мне кажется, что незнакомка кидает на меня короткий заинтересованный взгляд, и тут же отворачивается, приветливо улыбаясь бармену.

– Позвольте вас угостить, – раздвигая губы в улыбке, обращаюсь к девушке, и, откидывая светлые волосы вместе с легким поворотом головы, она переводит взгляд в мою сторону, заставляя меня ощутить, как искрится кровь в застывших венах.

Первое впечатление – ее лицо кажется мне очень знакомым, я определенно встречал ее где-то раньше.

Вторая мысль – у нее необычная красота.

На нее хочется смотреть, ее черты лица хочется разглядывать, и я вряд ли найду объяснение этому странному внутреннему желанию, но не сомневаюсь в том, что оно возникает у каждого человека, который видит эту девушку. И она не выглядит сильно накрашенной, пластиковой, кукольной, пустой... мягко мне улыбаясь, она демонстрирует очаровательные ямочки на щеках, и я заостряю свое внимание на родинке над одной из них. Такая юная и настоящая, и в то же время... грациозная девочка, с идеально прямой осанкой и

слегка приподнятым подбородком. Раскосый взгляд добавляет ей еще больше загадочности, и аккуратные стрелки на глазах делают его соблазнительно кошачьим. Так и хочется поиграть с этой киской. Хорошо, что мой пьяный язык не произнес это вслух.

Наконец, смотрю прямо в медового цвета глаза девушки, ощущая, как в их глубине плещется тепло и то, что я распознаю сразу... боль. Потеря...? Нечто знакомое, то, что всегда узнаю в толпе. Вижу то, что каждый раз замечаю в отражении, даже в самые яркие и счастливые моменты.

Иногда мне кажется, что я узнаю печать потери в любых глазах, потому что то, что отражает мое состояние, всегда притягивает мое внимание. Мир – кривое зеркало, и постоянно спешит напомнить нам о том, что так хочется отпустить.

Но вдруг тон нашей невербальной беседы мгновенно меняется с плюса на минус. Девушка определенно хорошо владеет техникой «эмоциональные качели» и через чур резко делает вид, что потеряла ко мне всякий интерес.

– Простите, но, по-моему, вы и без меня отлично проводили время, – улыбка мгновенно исчезает с ее лица, а медовые глаза темнеют, превращая загадочную нимфу из милой девушки в стерву с огоньком. Она окидывает меня презрительным взглядом, и это, черт возьми, бьет по самолюбию и одновременно еще больше разжигает пламя моего интереса.

– Хорошего вечера, – я не успеваю сказать что-либо или

остановить ее, как девушка резко соскакивает с высокого стула и теряется в танцующей и безумной толпе.

Что ж, стоит пойти за ней, но мне элементарно лень тратить время на ту, что явно из серии тех девушек, которые хотят нечто большего, чем одна приятная ночь. Да и мысли об Эми вновь терзают мою голову, да так сильно, что не хочется уже ни пить, не танцевать, не искать себе очередную жертву... грудь сковывает ледяным равнодушием, а виски – усталостью. Пошлю все к черту и пойду в номер. Выспаться перед тренировкой и отойти от мальчишника будет лучшим решением. Уверен, на утро я и не вспомню лица блондинки.

Уже не помню.

– Будь добр, друг, бутылку Уокера,² – протягивая бармену карту, ловлю себя на мысли, что погорячился с выводами, о том, что пить мне больше не хочется. Я просто не усну, гоняя в голове мысли об Эмилии, если не добью свое сознание алкоголем покрепче.

– Ваш виски, мистер Стоун. Желаю удачи в новом клубе и новом сезоне, – сквозь зубы чеканит бармен, и натянуто улыбаясь мне, протягивает бутылку. Судя по взгляду – он один из тех моих фанатов, которые меня недолюбливают из-за переменных успехов в карьере. Я и сам не понимаю, почему иногда удача будто отворачивается от меня, несмотря на то, что я делаю все правильно: нахожу моменты, используя любую возможность забить гол или передать голевой пас, но,

² Англ. Johnnie Walker – известная марка скотча (шотландский виски).

увы... бывают игры, когда все идет через одно место, и как бы идеально я не отработывал удары на тренировке, в решающий миг, мячи проходят в считанных сантиметрах от ворот. И вот тогда, приходится читать о себе не самые приятные статьи. Бывают и наоборот, игры, когда все дается легко, и я создаю голы почти из воздуха: стремительно, быстро, точно. Люблю забивать дальним ударом и зачарованно смотреть на то, как мяч попадает в створ ворот, пролетая мимо беспомощного вратаря, волнуя сетку. А потом в прессе вновь мелькают мои фотографии и интригующие заголовки, которые пророчат мне славу легенды и трансфер за двести миллионов евро.

– Удачу оставлю своим соперникам. Им она понадобится больше, – самоуверенно заявляю я, забирая бутылку Уокера, и направляюсь к выходу из клуба, расположенного на первом этаже здания. Мой номер на самом последнем этаже, и по характерному звуку я понимаю, что лифт закрывается. В последний момент успеваю поставить ногу между захлопывающимися дверьми, и войти внутрь. Облокачиваясь на зеркальную стену, прикладываю два пальца к виску, медленно массируя их. В ушах звенит от громкой музыки, и хочется как можно скорее добраться до кровати... внезапно, я фокусирую взгляд на полу, и только сейчас замечаю, что в лифте я не один, а в компании с обладательницей очень красивых щиколоток и подчеркивающих ее ножку, черных лодочек.

Поднимая взгляд выше, понимаю, что девушка одета в

знакомое мне серебристое платье.

– Вы меня преследуете? – слегка приподнимая одну бровь, интересуется она, скрещивая руки на груди. Закрытая поза в данном случае не говорит о ее неприязни ко мне, а кричит о страхе подобной близости с мужчиной. Близости с незнакомцем в лифте? Расслабься, девочка. Многие мечтают оказаться на твоём месте.

– Я? – усмехаюсь, потому что эта ситуация откровенно меня веселит. И больше всего меня интересует одно: девчонка что, действительно не знает кто я, или так хорошо притворяется?

Это меня бл*дь обычно преследуют, где бы ни находился. Да кто ты вообще такая?

– Где я мог тебя видеть? – вдруг внутри, в объятых туманом алкоголя извилинах, щелкает. Конкретное воспоминание вспыхивает перед внутренним взором, и я понимаю, что вижу и общаюсь с этой девушкой не в первый раз.

Это она...

Сердце в груди невольно пропускает удар. То же самое чувствую, когда наношу удар в сторону ворот. То самое мгновение, которое решает для меня все... я почти слышу рев трибун и вижу, как мяч попадает в дальнюю девятку. (*верхний угол футбольных ворот)

– Это ты, – в горле мгновенно пересыхает, когда озвучиваю свою догадку вслух. – Ты та сама девушка, – как только я произношу эти слова, лифт останавливается, судя по инфор-

мационному табло, на седьмом этаже. И судя по загоревшемуся на экране сигналу, мы застряли.

После того, как умерла Эми, мне было тяжело. Нелегко потерять человека, который был для тебя всем. Она всегда поддерживала меня, верила в меня вопреки словам родных и близких «что я ничего не добьюсь в футболе, и мне стоит заняться серьезным делом», и держала за руку, когда весь мир поворачивался ко мне спиной. После ее смерти, моя жизнь превратилась в бесконечный бег по футбольному полю, я полностью ушел в работу над собой и летел к поставленным целям. Однажды, она заставила меня составить список моих желаний, и даже после ее смерти я стремился к выполнению каждого, до тех пор, пока они не закончились... в день, когда напротив пункта с последней целью была поставлена очередная галочка, я получил травму. Через неделю получил вторую. В конце концов, они стали спутниками моей карьеры: сначала это были микротравмы вроде растяжения мышц голени, или задней поверхности бедра, колена. Мне приходилось покидать поле во время серьезных игр, восстанавливаться несколько дней и тренироваться отдельно, а это я ненавижу больше всего.

Перед самым началом Лиги Чемпионов 2014/2015 я получил серьезную травму коленного сустава, и был отправлен тренером в элитную Швейцарскую клинику, которая обещала за максимально сжатые сроки привести меня в игровую форму. Тот период во многом был решающим в моей карье-

ре. От одной лишь мысли, что могу пропустить этот турнир и не доказать всем на что я способен, реабилитировавшись после череды неудач, грудь жгло невероятным огнем ярости, что придавала сил исцеляться не по дням, а по часам. Я жил с мыслями о том, что выйду на поле и буду тем, кто принесет команде не одну победу, но вся моя воля и уверенность в себе порой исчезала – хотелось бросить все, особенно, когда от скуки в клинике читал о себе объективные статьи, где в красках расписывали все мои промахи, и припоминали прошлый сезон, который закончился для меня полным фиаско – решающий гол забил я, но, к сожалению, не в те ворота.

Мне казалось, мой мир снова рухнул. И рядом не было ее, той, что всегда смотрела на меня с восхищением, тихо обнимала и шептала о том, что я самый лучший и наступит день, когда не только она, но и весь мир признает меня лучшим форвардом мира.

«– Ты – уже легенда. Мой номер десять, – впервые я услышал эти слова в шестнадцать лет, после победы за молодежную команду «Лестер сити».

– Тогда ты мой талисман, – ответил я, глядя в голубые глаза Эмилии, светящиеся неподдельной гордостью и радостью за меня».

Теперь вы понимаете, почему я послал чувства к черту? Потому что таких, как она, больше нет. Не существует.

В тот день, находясь в клинике, я долго не мог уснуть из-за легкой, но непрерывно ноющей боли в колене. О, это про-

клятое чувство, когда ты переворачиваешься с одного бока на другой, пробуешь уснуть на спине, животе, и развалившись на постели по диагонали... чтобы я ни делал, я не мог сомкнуть глаз и остановить поток надоедливых мыслей, что невидимым сверлом буравили мою голову от виска до виска.

Гулять по парку на территории клиники по ночам было запрещено, но я нуждался в свежем воздухе и небольшой прогулке.

Когда я нашел ее, она стояла на самом краю пирса – клиника находилась в горах с великолепным видом на скалистый рельеф и водоемы Швейцарии. И выглядела девушка так, словно хотела безвольно упасть в воду, раскачиваясь на самом его краю. Разумеется, я просто взял ее и схватил за плечи, убрав подальше от края небольшой, но, возможно, опасной, пропасти. В тот момент девушка выглядела ужасно растерянной и печальной: ее стеклянные, но красивые глаза, выглядели так, будто она только что вышла из транс. Невнятно что-то шептала мне про то, что она просто страдает лунатизмом и с ней все в порядке, и ей нужно побыть одной. Я не мог оставить незнакомку в таком подвешенном состоянии, и сам толком не помню, каким образом у нас завязался разговор, длинную в ночь. Я не помню его содержание, помню лишь то, что мне было легко и не приходилось думать, о чем же нам поговорить, заполняя неловкие паузы судорожными вздохами.

Хотя девушка говорила довольно мало, и постоянно тере-

била в руках цепочку с кулоном в форме буквы «S», который почему-то сняла со своей шеи. Когда я спросил, что это, она загадочно улыбнулась и просто ответила:

«*Талисман*».

Кстати говоря, эта нежная часть ее тела была замотана шелковым платком, да и выглядела Эс совсем не так, как сейчас: девушка была очень худой и бледной, впалые щеки вызвали во мне острое желание пригласить ее в ресторан и хорошенько накормить. Возможно, она лечилась от анорексии, хотя, кажется, что-то упоминала о сломанных ребрах... я плохо помню. Расстались мы на рассвете, так и не спросив имена друг друга. Следующим утром, я попытался выяснить на ресепшен в каком номере находится девушка, но как оказалось – утром она покинула клинику. И только вновь прогуливаясь возле пирса, я нашел то, что и не рассчитывал найти: ее талисман. Может, это кажется глупым и невероятным, но я вышел на первую игру в сезоне, спрятав «талисман» в гетрах. И что я хочу сказать? Так нашей команде еще никогда не фортило: вратарь тащил самые адские мячи, а я... конечно, я отпахал на поле все девяносто минут, и едва ли мой хет-трик³ можно называть везением, но все же я не мог не связать фееричную победу с присутствием этого случайно попавшего в мои руки... точнее в ноги талисмана. После второй, почти такой же легкой и головокружительной победы, мне стало не по себе, и я поручил ассистенту найти эту

³ Hat-trick – в футболе три гола, забитые в одном матче одним игроком.

девушку самостоятельно и вернуть ей это украшение. Через какое-то время я напрочь забыл об этой истории, как и о загадочной девушке с буквой «S» олицетворяющей для меня мою фамилию...

И теперь я вижу ее в этом долбаном застрявшем лифте. Девушку и мерцающую букву «S» с сапфирами, красиво подчеркивающую ее ключицы.

– Не понимаю, о чем ты. Никогда не видела тебя прежде, – девушка слегка приподнимает заостренный подбородок, опуская взгляд. Ее щеки заливаются легким румянцем, и она выглядит так, будто говорит правду, но мне слишком трудно поверить в то, что встречу со мной можно забыть. Замечаю, как напрягается ее изящная шея, под кожей которой проступает слишком быстро пульсирующая венка. Удивительно, но, кажется, она по какой-то причине боится меня, и теперь я окончательно понимаю, что ее холодность и отстраненность, не более чем ментальный щит, который не мешает мне поймать ее сегодня. – И я совершенно не рада, что застряла в лифте с мужчиной, который думает, что весь мир у его ног. Мне не нравятся такие, как ты, – добавляет она с вызовом, окидывая меня воинственным и одновременно уязвимым взглядом. Стоп, она же сама мне не раз за сегодняшней вечер строила глазки и от подобных перемен в ее настроении у меня просто мозг взрывается.

Но я люблю это чувство – когда девушка немного ломает мои стереотипы и голову, и выделяется среди потока одина-

ковых девиц, которые визжат от восторга, как только я оказываюсь в поле их зрения.

– Поведение обиженной женщины – судить меня, ориентируясь на свой прошлый опыт. Начнем с того, что таких, как я – больше нет, – чувственным тоном уверяю я.

– Не слишком ли ты любишь себя? – выдыхает девушка, пока я смотрю в отражение зеркала и поправляю свою новую прическу. – Прямо-таки тащишься!

– Ну, начнем с того, что любовь к себе – это не так плохо. И если бы все девушки любили себя, возможно, сегодня был бы мой мальчишник, а не мальчишник моего друга, – открываю бутылку вина, чувствуя, как она пристально наблюдает за моими движениями.

– И как? Праздник удался? – судя по ее колкому взгляду, Эс решила, что я отлично провел время с заказанными шлюхами, а потом решил подкатить к ней. И зачем мне такая замороженная, черт?

– Он продолжится, если ты выпьешь со мной, – отпив из горла, я протягиваю бутылку Эс, и она пренебрежительно морщит носик, несмотря на то, что на дне янтарных глаз девушки вспыхивают искорки, выдающие в ней... очень плохую девочку.

А в этом что-то есть. Давно не испытывал такого желания поймать какую-то конкретную девушку. Обычно мне все равно, главное, чтобы была не снежной королевой и бревном... хотя, о чем я? Обычно все девушки в первую же

ночь пытаются произвести на меня впечатление, демонстрируя свой богатый опыт и эм, различные техники обольщения, включая «глубокое горло». Многие из них сразу дают поиметь их в попку, считая, что меня можно притянуть и удержать горячим сексом. Девяносто процентов из них не забывают подать мне маркер и подставить свою грудь или задницу для автографа. Потом неделями не моются, храня на коже недолговечное тату моей подписи.

А Эс до сих пор делает вид, что не знает меня. Уму непостижимо. Но такого просто не может быть, поэтому за актерскую игру я бы уже вручил ей Оскар.

– Добрый вечер, уважаемые гости элитного загородного клуба «Black Horse», – мы синхронно вздрагиваем, реагируя на звук, неожиданно разорвавший динамик. – Мы очень признательны вам за то, что вы решили провести выходные у нас. Нам очень жаль, что вы попали в такую ситуацию, но мы вынуждены сообщить вам, что на то, чтобы починить лифт, нам необходимо около шестидесяти минут. Приносим свои глубочайшие извинения и просим вас не волноваться. В нашем клубе вы находитесь в полной безопасности, – проговаривает автоматический женский голос, и я с глухим смехом наблюдаю за тем, как моя спутница слегка ударяет каблуком по полу и от досады прикусывает пухлую нижнюю губку. Черт, с удовольствием проделал бы с этими мягкими губами то же самое.

Хочу ее. И возьму. Сегодня.

Не пройдет и часа, как я трахну ее прямо в этом лифте.

Кстати, ранее как-то не доводилось заниматься сексом в этой зеркальной коробке.

– Прекрасно, – девушка возводит глаза к потолку, и вопреки моим ожиданиям, вдруг выхватывает у меня бутылку виски, и, запрокинув голову, делает глоток терпкого напитка прямо из горла.

– Мне все-таки удалось тебя угостить, – замечаю я, откидываясь на зеркальную стену лифта, располагаясь по диагонали к Эс.

Пока мне даже нравится то, что я не знаю ее имени.

– Кстати это был дешевый и неоригинальный подкат. Шаблон, – продолжает набивать себе цену девушка, вновь вызывая у меня ироничную полуулыбку. Люблю таких маленьких гордых кошечек, нуждающихся в твердой руке. Точнее, в твердом члене.

Девушка возвращает мне бутылку, и, сделав пару глотков виски, снова передаю ей. И на этот раз она не кривит губы, не отказывается, а просто принимает из моих рук бутылку, и тихо хихикнув, преподносит ее к своим губам. Лучше промолчу, о чем я думаю, когда ее рот касаются горлышка. Чтобы хоть как-то отвлечься от горячих картинок, вызванных этими потрясающими губами, что рисует мое разыгравшееся воображение, спрашиваю слегка севшим голосом:

– Может быть, скажешь, как тебя зовут «S»?

– А тебе действительно это интересно? – передавая мне

бутылку виски, Эс опирается на стенку лифта, но даже это она делает гибко и сексуально: зеркала касаются только ее лопатки и округлая попа, кажущаяся еще более соблазнительной, за счет сильного прогиба в пояснице.

Я не могу понять эту девушку. Соблазняет меня или издевается? Ее глаза совершенно четко говорят «нет», а тело поет «да» и наоборот. У меня такое чувство, что незнакомка владеет какой-то особой техникой соблазнения мужчин, которую позаимствовала у японских гейш.

– Зачем тебе мое имя, чтобы сделать то, что тебе хочется? – как ни в чем ни бывало, интересуется Эс, покручивая тот самый кулон, что принес мне удачу в Лиге чемпионов меж длинных пальцев. На мгновение, мне кажется, что тонкая полоска кожи на ее безымянном пальце слегка светлее остальной – так, словно она загорела вокруг ободка обручального кольца.

– Ты права, незачем. Ну а вдруг, мне захочется большего? – парирую, продолжая наш словесный батл в застрявшем лифте, где нашими судьями являются собственные отражения и быстро пустеющая бутылка виски.

– Меня зовут Николь, – глядя мне прямо в глаза быстро отвечает Эс, и по невербальным признакам мимики ее лица, я понимаю, что это ложь. Она заучила это имя. И что-то мне подсказывает, что кулон «S» это не первая буква фамилии.

– И много в России девушек называют Николь? – на мгновение, Эс теряется и судорожно выдыхает, осознавая, что

прокололась.

– Так ты знаешь, кто я? – Она что, известна?

– Эм, нет, – пожимая плечами, не понимаю, к чему она клонит. Я знаю ее лишь как пациентку элитной Швейцарской клиники.

– То есть хочешь сказать, мой русский акцент заметен? – слегка обиженно уточняет девушка, очаровательно поджигая губы.

– О, да. На самом деле сейчас его почти нет. Я просто вспомнил нашу первую встречу. Тогда он был весьма жестким, – специально проговариваю последнее слово с грубым русским акцентом, чтобы немного позлить ее.

– Но я действительно впервые вижу тебя, – самое смешное, что слова девушки звучат так искренне, что я уже действительно начинаю верить ей, и думать, что она не знает, кто я и не помнит меня.

Но этого не может быть.

– Я почти поверил.

– Угадаешь мое имя? Думаю, первая буква тебе известна, – вдруг игриво спрашивает она, и холодная энергия неприступности, овевающая Эс до этой секунды, мгновенно испаряется, или это мне становится жарче от того, что атмосфера между нами накаляется с каждой секундой. Дышать трудно, когда она так стреляет в меня своими янтарными глазами, и спертый воздух в замкнутом пространстве тут не причем.

– Мне заняться нечем? – устало потираю лоб, фиксируя взгляд на невзначай съехавшей тонкой бретельке с ее плеч платья. Поправляя ее, Эс кончиками пальцев дотрагивается до своих ключиц, а у меня возникает острое желание поправить в брюках член, реагирующий на подобные игриво «незаметные» движения болезненным давлением. – И не собираюсь.

– Если угадаешь с первого раза, я тебя поцелую, – произносит Эс и тут же прикусывает язык, словно хочет забрать свои слова обратно. Кому-то больше не стоит пить. Ее щеки пылают, и это не наигранное смущение вызывает во мне вспышки сразу нескольких воспоминаний.

Просто... вся эта естественность и ее отношение ко мне, как к обычному человеку и незнакомцу, а не популярному футболисту, от которого она жаждет забеременеть – пленительна, очаровательна и... это все так похоже на Эмили.

Для нее я всегда был просто Кайлом. Просто Стоуном. Просто ее номером десять.

– Кажется, тебе нельзя больше пить.

– Ты прав. Забираю свое предложение обратно.

– Ну, уж нет. Я попробую угадать. С первого раза, да? – не верю, что подписываюсь на этот бредовый вызов. Мы похожи на заигрывающих друг с другом подростков.

Какими и были мы с Эми.

– Угу. Все равно ты не угадаешь, – Эс мелодично смеется, застенчиво прикрывая губы рукой. И снова это невинное

смущение. Ну, просто ангел, спустившийся с небес. Или все же холодная стерва, окинувшая меня уничтожающим взглядом у барной стойки? Ничто не будоражит меня сильнее, чем подобное противоречие и девушки, совмещающие в себе разные роли.

– Первая буква Эс... – прищурив веки, я делаю несколько глотков Уокера, ощущая, как любимый напиток согревает горло, и прихожу к выводу, что мне не остается ничего, как произнести то имя, которое первое придет на ум.

– Стефания, – четко и уверенно бросаю я, понятия не имея из каких недр подсознания всплыло именно это имя. Ее красивое лицо на миг сковывает удивленная и оторопевшая маска, брови взываются вверх. Я даже подумал, что она специально притворилась, что ее так зовут, чтобы урвать поцелуй от знаменитости, но черт... такие эмоции трудно подделать.

– Ты знал! – Эс снова смеется, слегка ударяя меня по плечу, и я впервые за долгое время ловлю себя на мысли, что смех женщины меня не раздражает, а прикосновения Стефании не кажутся навязчивыми, нарушающими зону комфорта.

Ощущать ее прикосновения, также естественно, как дышать. Или я слишком много выпил сегодня?

– Ты знал! Ты не мог угадать сам!

Что-то мне подсказывает, что я действительно знал ее имя. Возможно, ее кто-то окликнул тогда в больнице, а я

услышал?

– Я свою часть сделки выполнил, Стефани, – слегка расправив плечи, ловлю ее смущенный и слегка напуганный взгляд. Она выглядит почти, как Эмили, когда я впервые поцеловал ее. Я был ее первым и последним во всех смыслах этого слова. Только в нашем романтическом фильме о первой любви, не было хеппи энда, более того, он был прерван случайностью... всего лишь одним несчастным случаем. Буквально несколько секунд. И той прекрасной девочки, в которую был влюблен с самого детства, просто не стало.

Но прежде, чем я успел погрузиться в воспоминания об Эми, ощущаю, как ладонь Эффи ложится на мое плечо, и слегка притянув меня ближе за расстегнутый ворот рубашки, Стефани касается моих губ своими.

Ненавязчивый аромат ее свежих, фруктовых духов ударяет в ноздри, и я на мгновение теряю способность ясно мыслить, наслаждаясь запахом, эмоциями, ощущениями... я так давно не чувствовал вкуса поцелуя, женских губ по-настоящему.

Ее нежность задевает незажившую рану где-то глубоко внутри, и моей первой реакцией на ее поцелуй является резкая боль, колом пронзающая сердце, заставляющая мышцы лица исказиться, напрячься. Со стороны можно подумать, что Стеф мне отвратительна, но она всего лишь та, кто невольно задел во мне не физические желания и потребности, а самую суть и запечатанные за замками равнодушия и

самовлюбленности воспоминания.

Мать ее, мне хочется вытолкать Стефанию из этого нево-
время застрявшего лифта, чтоб больше никогда ее не видеть.
Чтоб не посмела ненароком задеть во мне те струны, что как
мне казалось, давно лопнули, порвались, исчезли.

А нет, целы, суки.

И когда она плавно прикусывает мою нижнюю губу свои-
ми и слегка оттягивая от себя, отстраняется, я чувствую себя
так, словно этот несчастный лифт летит в пропасть, причем
этажа так с сотого.

Слишком много чувств для одного поцелуя. И, честно го-
воря, мне это уже не очень нравится. Я не просил, чтобы в
моей жизни появилось то, что заставляет чувствовать себя
живым. Кроме футбола.

Судя по обескураженному выражению лица и растерян-
ному взгляду Стефании, ее смутила искажившая мои черты
маска боли. Уверен, она думает, что сделала что-то не так,
совершенно не осознавая, что всего за секунду продвинулась
в соблазнении меня куда дальше своры фанаток, что были
до нее.

– Я сделала что-то не... – озвучивает она мой вывод вслух,
но я знаю, что не дам ей ни единого шанса договорить, поду-
мать, передумать, остановиться... мне нужно получить эту
девушку прямо сейчас, сравнять с прочим «фаст-фудом»,
которому никогда не придавал значения. Я просто трахну ее,
поставлю мысленную галочку напротив имени «Стефания»

и в следующей строке напишу новое имя. А потом еще и еще одно.

Ее слова обрываются коротким всхлипом, как только резко сжимаю ее талию, и, толкая к стенке лифта, прижимаюсь пахом к ее дрожащим бедрам. Бутылка Уокера летит вниз, с эпичным звуком разбиваясь на осколки, но мне плевать, что мы оставим после себя небольшой «беспорядок» на полу и лужу виски.

Мои ладони скользят ниже по ее телу и струящейся, приятной наощупь ткани, сжимают упругие ягодицы девушки. Черт, ткань платья настолько тонкая, что теперь я могу уверенно заявить, что нижнее белье Стефания не носит. Ощущая ее сопротивление, и слабые попытки вырваться из моего плена, сжимаю одной рукой скулы Стефани, и требовательно вторгаюсь языком в ее рот, буквально вырывая из нее ответ на свой поцелуй, и получаю его... ее губы говорят да, в то время как ладошки упираются в тяжело вздымающуюся грудь. С хриплым стоном в губы, на мгновение отрываю ладони от ее округлой попки, и вновь прижимаю к зеркалу, поднимая ее запястья над головой, позволяя ощутить ей свое желание плавными движениями бедер против ее. Черт, что я делаю? Не плевать ли? Может, я слишком сильно пьян, но вкус ее губ дурманит куда сильнее, а искреннее смущение будит во мне зверя, жаждущего заманить в свою берлогу и не отпускать ближайшие часа три.

Я лишь на мгновение отрываюсь от губ Эффи: и, несмотря

на красные всполохи, мерцающие перед взором, замечаю ее плывущий, горячий взгляд. Распухшие губы, приоткрытый рот, и судорожное дыхание... забыл тот день, когда подмечал подобные детали. Забыл, каково это видеть и чувствовать женщину, желать по-настоящему. Ее сопротивление чудесным образом исчезает, и в мою голову вновь лезут мысли о том, что она специально играет со мной, строя из себя то недотрогу, то шлюху, готовую нарваться на приключения. Что ж, если таков был ее план по соблазнению футболиста, то он сработал.

– Все что случается в «Black Horse» остается в «Black Horse», – охрипшим от желания голосом обещаю я, рывком задирая ее платье до талии. Не в силах медлить, раздвигаю ее ноги коленом, ласкаю плоский живот и спускаюсь ниже, накрывая ладонью влажные складочки. Горячая и готовая девочка, кого ты из себя строила?

Указательным пальцем касаюсь пульсирующего клитора, умоляющего о ласке, прижимаясь лбом к ее лбу.

– Добилась, чего хотела? Твоя ролевая игра удалась?

– О чем ты? – тяжело дыша, спрашивает девушка, тихо хныкая, когда я начинаю рисовать круги вокруг ее набухшего бугорка, вскользь касаясь его. У меня нет сомнений в том, что ей безумно нравится все, что сейчас происходит, и все же, что-то в поведении Стеф напрягает, не отпускает... ее незримый страх передается мне, проникает под кожу, но я не понимаю с чем он связан. Неужели она не притворяется, и

чего-то боится? Мы же не школьники, чтобы стыдиться своих истинных желаний, пусть и на «первом свидании» в лифте.

– О том, что ты не знаешь, кто я, и не помнишь меня, – Стефания вздрагивает, стоит мне лишь провести языком вдоль ее сладкой шеи, и прикусить зубами чувствительную мочку уха.

– Но я, правда, не знаю тебя... но не хочу, чтобы ты оставался, – совершенно искренне признается Стефани, и, расплываясь в хитрой улыбке, я трактую ее слова, как приглашение. Приглашение в нее... она податливо изгибается, когда я без подготовки проникаю вглубь ее тела сразу двумя пальцами. Она настолько узкая, что дыхание схватывает, и я прикрываю глаза, представляя, как тесно внутри нее будет моему члену. Я кончу быстро, если она сожмет меня также сильно, бл*дь.

– Черт, такая теплая девочка, – хвалю я, растягивая ее пальцем, замечая, как она вздрагивает не только от удовольствия, но и боли. Что-то не так, и страх в ее медовых глазах растет с каждой секундой. – Что не так, крошка?

– Я... я хочу, чтоб ты знал: я не такая, – ведет плечом Стефания, бросая на меня уязвимо мягкий взгляд исподлобья. – Я не занимаюсь сексом с незнакомцами и на первом свидании... и даже, когда выпью. И... – она набирает побольше воздуха в легкие, и наконец, признается: – Я девственница.

У меня было такое чувство, словно она мне бутылку Уо-

кера о голову разбила. Как так вышло, что у этой красотки никогда не было мужчины? Они что слепы или с ней что-то не так? Или она всю жизнь ждала принца, и, наконец, напоролась на меня – циничного и самовлюбленного футболиста, что никак не подходит для этой роли?! Черт... девственница – это конечно неплохо, но мне не хочется, чтобы у нее были завышенные ожидания насчет меня. И какие-либо планы и надежды.

– Это многое объясняет, – просто отвечаю я, имея в виду энергию страха и трепета, исходящую от нее. – Ты можешь остановить меня, или позволить мне сделать эту ночь для тебя незабываемой, – успокаиваю ее бдительность, сдвигая декольте платье в сторону, накрывая ладонью налитую грудь с соблазнительно торчащим соском.

Стеф замирает, как только мои пальцы выскользывают из ее тесного лона, и я подношу их к губам девушки, размазывая по ним ее соки. Безумно горячая картинка заставляет меня толкнуться членом в ее бедра и с хриплым стоном прошептать:

– Хочешь ощутить его внутри, малышка? – и к моему огромному удивлению, вместо ответа, эта так называемая «девственница» раскрывает рот и принимает в рот мой указательный палец, плотно сжав губы у его основания. Стефания медленно кивает, непрерывная зрительного контакта со мной, и я дурею, наблюдая за тем, как она сосет его так, будто держит у себя во рту мой член.

– Да ты подарок, маленькая дьяволица. И много вас таких девственниц?

– Я особенная, – томным голосом произносит Стефания, и как только она выпускает из плена своего рта мой палец, дверь лифта со звоном открывается – мы так увлеклись друг другом, что даже не услышали объявления о том, что лифт уже исправен, и не почувствовали, как поднимаемся вверх.

В коридоре на моем этаже к счастью, никого нет, и поглощая с ее мягких губ легкий смех Стефании, я приподнимаю ее над полом, обхватывая за оголенные ягодицы, и глубоко целую, пока тащу вдоль длинного коридора. Девушка послушно обвивает мой торс стройными ножками, слегка двигаясь против моего тела, параллельно успевая освободить меня от рубашки, которую кидает прямо на ковер в холле. Плевать. Почти на автомате, я достаю из брюк ключ-карту, и, открыв дверь в номер, ставлю невинную крошку на пол рядом с огромной круглой кроватью посреди спальни в серо-черных тонах. Ее тело мгновенно покрывается мурашками от прохладного воздуха в номере или... от того, что она видит? Заинтересованный взгляд девушки скользит по моему торсу, оставляя под кожей приятные ожоги.

Как только я отдаляюсь, малышка вдруг сама тянется ко мне, обвив шею и плечи. Ее пухлые губы норовят поцеловать меня, но я отстраняюсь, поддразнивая:

– Так хочешь кончить, девочка, у которой никогда не бы-

ло секса? – покрываю легкими поцелуями ее лицо, пытаюсь усилить ее желание – в своей жизни я лишь однажды лишил девушку девственности и, разумеется, это была Эмили. Нам было... пятнадцать, и у нас долго ничего не получалось. Сейчас, конечно, вспоминать об этом смешно, но от страха она зажималась, а я был неопытным придурком, и не мог в нее войти, пока не додумался до того, чтобы разогреть ее настолько, чтобы она полностью расслабилась и думала лишь о моем члене внутри нее, забыв о своих страхах и волнении.

Не хотелось бы повторить свое подростковое фиаско сейчас. Стефании нужно время, потому что я чувствую, как напряжено ее тело и взгляд, несмотря на жгучее, заражающее нас обоих и воздух вокруг желание.

– Перестань издеваться! Зря я тебе сказала... – нежно бормочет она, обиженно надувая губы. Откуда она такая вылезла?

– Не зря. Ты сделала все правильно. Но теперь ты будешь выполнять только то, что я скажу, – властным голосом добавляю я, замечая, как после этих слов она начинает мелко дрожать, а в ее глазах отражаются отблески воспоминаний, которые и рожают его. Может, ее пытались изнасиловать? От чего такая боязнь близости? К черту. Не хочу копаться в ее душе, мне это и не нужно.

– Только пообещай, что не причинишь мне боль, – почему-то произносит она, нервно сглатывая. – Я имею в виду... ты же не извращенец? – нервно хихикает девушка, поведя

плечом.

Боль? Причинить боль? Извращенец? Да что у нее, бля*ь, в голове?

– Я сделаю тебе очень, очень хорошо, Стефания, – кажется, ее совершенно не успокаивают мои слова, но мои силы вести с ней переговоры уже на исходе.

– Расстегни ширинку и сними с меня брюки, – безапелляционным тоном приказываю я, и неуверенно облизнув губы, девушка послушно выполняет мою волю. С шумом втягиваю воздух, когда Стефани еще до того, как я произношу это вслух, накрывает мой измученный долгой прелюдий член ладонью и сжимает его сквозь ткань боксеров. Черт, так приятно. Бесчисленные актрисы, модели и шлюхи проделывали это много раз... но только она делает это так, как делала особенная для меня девушка. Нежно и жадно одновременно.

– Нравится? – ухмыляюсь я.

– Такой твердый. Ты меня поранишь, – поет сладкие речи Стефания, снова заставляя меня думать, что она действует по какой-то продуманной тактике соблазнения.

– Непременно, детка, – упав спиной на кровать, я жестом приказываю ей оставаться на месте, и, глядя прямо в глаза, отрывисто произношу:

– Сними платье, – за десять секунд поборов свое смущение, Стефания спускает с себя платье, и я наблюдаю за тем, как оно скользит по ее молочного цвета коже, и опадает у ног, которыми она переступает через серебристую ткань. Де-

вушка остается полностью обнаженной, и, облизывая пересохшие без наших поцелуев губы, я оценивающим взглядом ласкаю ее небольшую, стоячую грудь, впалый под ребра живот, и гладковыбритую киску. Сжимаю ствол через боксеры, думая о том, что мне будет мало с ней лишь одной ночи. Возможно.

– Не представляю, как ты хранила себя так долго. Твое тело создано для секса, – вырывается у меня, когда я вновь встаю рядом со Стефанией, возвышаясь на ней. Щипаю розовый сосок, ощущая, как пах простреливает волнами удовольствия, от ее стонов и реакций на мои действия. Она плавно прогибается, почти как опытная девочка, когда я опускаюсь вниз, и, лаская ее бархатную кожу языком и губами, отодвигаю ногу в сторону, положив себе на плечо, и провожу пальцами по влажным лепесткам, раздвигая створки. Чтобы окончательно разогреть ее, обхватываю клитор Стефании губами, дурея от ее томного:

– Да... так приятно. Черт, – хихикает вдруг Стефания. – Я до сих пор не знаю твоего имени.

Притворщица не сдается.

Впервые, за долгое время, я совершенно не эгоистичен в постели и мне это нравится. Нравится ощущать, как разливается горячей магмой желание по венам, как вспыхивает желание в пояснице, как схожу с ума и готов уже рычать от предвкушения войти в эту девушку.

Я чувствую ее окончательную расслабленность и готов-

ность, бесцеремонно ставлю ее в нужную мне позу, не в силах больше выносить эту пытку. Стефания встает в позу кошки, прогибаясь в пояснице, и сзади ее тело выглядит еще более сексуальным и дерзким: идеально узкая талия и спинка переходят в округлую попку, в форме сердца. Вид сносит крышу, и быстро спуская боксеры, я провожу головкой члена по ее влажным дырочкам, скользя от одной к другой, вырывая из нее требовательное и желанное:

– Я уже готова... хочу почувствовать тебя, – признается Стеф, и быстро натянув презерватив, я толкаюсь внутрь ее лона медленно, и, дойдя до преграды, резко рву ее, замирая внутри. Стефани вскрикивает, сжимая простыни в кулаки, и мне остается лишь ласкать ее плечи и затылок, чтобы немного отвлечься от боли.

– Тише, девочка. В тебе чертовски приятно. Ты умница, – в глазах темнеет от острых и непередаваемых ощущений. Я умираю от наслаждения, ощущая, как плотно ее внутренние мышцы обхватывают мой член. – Ты такая теплая, крошка, – рычу я, начиная двигаться внутри Стефани, понимая, что больше не могу сдерживать себя. Почувствовав ее невербальное разрешение, я трахаю эту невинную детку, что угодила в мои сети, и лишь иногда медленно вращаю бедрами, за, что она вознаграждает меня глухими стонами и этим сладким:

– Еще, пожалуйста. Да...

Честно говоря, все, что происходит после, я помню плохо.

Стефания слишком быстро входит во вкус, и позволяет мне иметь ее в разных позах, но я не использую те, где нужно смотреть друг в другу глаза.

Это слишком – она напоминает мне ее, мою Эми, и боюсь, я сойду с ума, если посмотрю ей в глаза, в тот момент, когда нахожусь внутри нее. Мы теряем счет времени, перемещаясь с поверхности на поверхность – трахаю ее, оперев животом на стол, и в позе боком на подоконнике, замечая ее взгляд в отражении окна. И тут же закрываю глаза, ускоряя движения, но наслаждаясь ее криками, которые слышит, наверное, весь загородный клуб, но нам обоим плевать на животные звуки, что издают в порыве страсти наши губы и тела, бьющиеся друг о друга то в медленном, то в безумно быстром ритме.

– Поработай бедрами. Так, малыш. Ты быстро учишься, – хрипло приказываю я, ускоряя движения внутри Эффи, и до красных отметин сжимаю ее ягодицы в ладонях, поражаясь тому, как быстро она всему научилась. Подозрительно быстро. Если бы я не увидел крови на своем члене и постельном белье, я бы подумал про то, что история о девственности – не более чем элемент игры и флирта. Пот градом стекает по моей спине, в тот момент, когда из ее горла вырывается громкий вскрик, переходящий в мягкие стоны, я ощущаю, как стенки ее лона сжимают мой член в тугие тиски. Сжав зубы и запрокинув голову, спускаю все накопившееся за день напряжение в это потрясающее тело, глядя на то, как мерцают

вспышки под закрытыми веками. Меня из тела на хрен выносит, настолько сильно накрывает. Такого давно не было. Чтоб горячей волной, по всему телу. Чтоб ни единой мысли в голове. Полнейшая эйфория на несколько секунд, и выход в открытый космос... черт, я думаю, ей придется задержаться в моей постели. Ни этого ли она добивалась, когда набивала себе цену, а в итоге отдалась мне после парочки стандартных манипуляций? Хотела выделиться таким образом, знала, как зацепить искушенного в женщинах мужчину? Или... мы оба просто поддались искреннему порыву страсти?

Обычно в этот момент, я уже натягиваю брюки и либо ухожу сам, либо намекаю девушке на то, что видеть я ее более не рад. Но я сам не заметил, как лежу уже пятнадцать минут и смотрю в потолок, ощущая то, как волосы Стефании щекочут мои грудные мышцы, а ее нежные пальцы касаются меня в районе затылка, пока она лежит рядом, и с интересом разглядывает мое лицо, не произнося ни слова. Я не могу заставить себя посмотреть ей в глаза... такой чести была удостоена лишь Эмилия. Это мое, глубокое, личное. И я не могу позволить себе к кому-либо вновь привязаться. А как ни крути, ничто не связывает мужчину и женщину, чем обмен взглядами в момент оргазма, и несколько минут после, когда ваши тела и энергия максимально переплетены друг с другом.

Но, несмотря на то, что я не смотрю на молчаливую Стефани, я продолжаю периодически любоваться ее вспотев-

шим от моих стараний телом, поглаживая поясницу, и сжимаю в ладони округлые ягодицы. Вздрагиваю в момент, когда моя скромница вдруг сжимает мой член, уделяя ему должное внимание. Кажется, я готов приступить ко второму тайму. А потом, и к дополнительному времени.

– В душ, Эффи? – не дожидаясь ответа девушки, я поднимаю ее на руки, несмотря на показное сопротивление. Совместное принятие душа не ограничилось лишь водными процедурами, и мне, к моему удивлению было даже приятно помыть и поухаживать за девушкой, которой я только что причинил невероятную боль.

– Тебе еще больно? – зачем-то спрашиваю я.

– Как ни странно, больше нет, – пожимает плечами Эффи, пока я разглядываю, капли воды, сверкающие на ее теле. – Наверное, мне повезло. Я очень терпима к боли, – произносит странную фразу она, и сначала я не придаю ей значения, даже не понимая, сколько информации о ней сокрыто в этом предложении.

– Почему ты называешь меня Эффи? Никто никогда так не сокращал мое имя, – интересуется девушка, обнимая меня за плечи, вновь и вновь касаясь области затылка кончиками пальцев. Покальывающий ток стремительно несется по венам, вновь доводя меня до эйфории, а член до твердокаменного состояния.

– Значит и в этом я первый, малышка. Мне так нравится. Эффи, – и тоже на «Э».

– Черт, я лишилась девственности с мужчиной, даже не зная его имени. В двадцать пять лет. Должно быть, я сошла с ума. Как тебя зовут...?

– Больше можешь не притворяться, – я правда не верю ей, но если Стефании так хочется... пусть продолжает игру. Мне нравится быть с ней мужчиной, а не футболистом Кайлом Стоуном, и этого мне достаточно, чтобы простить ей плохую актерскую игру. Игнорируя вопрос девушки, я затыкаю ее рот поцелуем, и время вновь растягивается в вечность, а сознание находится так далеко отсюда, что я даже не помню, как мы вновь оказываемся в кровати: уставшие и удовлетворенные, переводящие дыхание. Меня невероятно клонит в сон, но я все-таки нахожу в себе силы спросить к Стефани:

– Ты хотела, чтобы твоя первая ночь прошла так?

– Мне очень хорошо с тобой, – просто ответила девушка, мягко целуя меня в шею. Кажется, она засыпает быстрее меня, мирно посапывая на моем плече. Засыпать с девушкой не самая лучшая идея, тем более обнимать ее, подпускать к сердцу... но у меня нет ни времени, ни желания менять позу, и плестись до дивана, поэтому я мгновенно вырубаясь, ощущая себя под воздействием давно забытой мной эйфории.

Кто бы мог подумать, что утром я проснусь абсолютно один, и в панике проведу рукой по холодной простыни, свидетельствующей об одном из двух: либо Стефания ушла почти сразу, как я уснул. Либо ее и вовсе не было, как и этого вечера, и я окончательно сошел с ума, увидев яркий эроти-

ЧЕСКИЙ СОН.

Глава 2

«...Представьте, что один человек контролирует ваш кислород. Вам кажется, что кислорода ничтожно мало, и этот прекрасный человек делится с вами своими запасами. Вы готовы на всё ради него. Вы находитесь в океане боли и неопределенности, вокруг только темнота, зло, страдания, и ОН...»

Стефания

– Всем привет. Меня зовут Николь. И моя история не сильно отличается от всех, что я только что услышала, – я опускаю взгляд, несмотря на то, что мои глаза все равно скрывают солнцезащитные очки, и я знаю, что сейчас совершенно не похожа на себя, так как скрыла светлые волосы за черным париком под стрижку «удлиненное каре». Приходится как-то выкручиваться, когда хочешь выбраться из эмоциональной ямы, которую сама себе и вырыла, но положение в обществе моего бывшего мужа, Уилла Астона, вынуждает меня оставаться инкогнито в этом клубе психологической поддержки жертв бытового стокгольмского синдрома. Так странно. Четыре года назад я и понятия не имела, что у моих сложных отношений с мужем есть научное определе-

ние, и называть его стоит не «милый», «дорогой», а «абыюзер».

Тиран.

Параноидальный ревнивец, который в каждом прохожем мужчине видел моего любовника.

Деспот.

Сумасшедший псих, который мог поднять на меня руку, а через два часа уже целовать мои ноги, извиняться и клясться, что он больше никогда не причинит мне боли и называть своей Богиней.

Я столько всего прощала ему, и казалось, даже не замечала его чудовищных наклонностей, наивно полагая, что у Астона просто тяжелый период в бизнесе, что он устает, и я сама даю повод для оплеух и пощечин, когда улыбаюсь мало знакомым мужчинам на съемках. Я оправдывала его бесконечное количество раз, и мне кажется, что даже после того, что пережила, находясь в больнице в полном одиночестве, я до сих пор порой ищу Астону оправдания, и где-то в глубине души свято верю в то, что он вдруг станет святым человеком, и тем мужчиной, за которого я вышла замуж. Но дело в том, что в тот момент, когда я сказала ему «да», Уилл Астон не был таким, каким я его видела... он намеренно и виртуозно прятал внутренних демонов, о которых я и не догадывалась. Первым и единственным тревожным «звоночком» до свадьбы был тот случай, когда он ударил меня по лицу за съемку в купальнике. Ударил так, что я отлетела к стене

и упала навзничь, и едва ли не ударилась головой о прикроватную тумбочку.

«Дешевая шлюха. Знаешь, кто ты после этого? Дешевая. Грязная. Шлюха! Так и хочется продемонстрировать всем свою бля**кую натуру? Соска тупая. Пустая русская соска.» – это была самая безобидная фраза из тех, что он проорал мне в лицо, до боли сжимая челюсть. До хруста. Невзирая на мои слезы и крики о том, что я больше знать его не хочу. И я не хотела... но на следующий день, проснувшись на постели, усыпанной лепестками красных роз, под нежное «прости, малышка» все произошедшее показалось дурным сном, безумным наваждением, всплеском горячих эмоций у нас обоих, и всего лишь искрой страсти, разжегшей пламя нашей «любви» вновь.

И представьте себе, уже после свадьбы и рождения дочери, я всерьез верила в то, что даю ему повод унижать меня, несмотря на то, что до помолвки мы все четко обговаривали, и он пообещал, что никогда не будет смешивать нашу семейную жизнь и мою карьеру. Он с пониманием относился к тому, что я работаю моделью и хочу именно в этом деле достичь определенных высот, и пообещал, что никогда не будет препятствовать моему развитию в любимом деле. И чем в итоге все закончилось...? Вы и представить себе не можете. Но обо всем по порядку.

– Мы готовы выслушать твою историю целиком, Николь, – умиротворяющий голос миссис Фокс, ведущего психолога,

помогающего данной группе отчаявшихся жертв домашних тиранов, заставляет меня выйти из транса заново испытываемых неприятных ощущений. Мой взгляд изучает присутствующих девушек сквозь линзы темных очков: не считая меня, их здесь пятеро, и у двух из них красуются фиолетово-синие фингалы под глазами, от одного вида которых у меня волосы на затылке встают дыбом, а к горлу подступает удушливая тошнота. Я буквально ощущаю, как твердая рука Астона вновь до боли и потери воздуха в легких сжимает мою шею, когда оцениваю красные кольца от сомкнутых ладоней, оставивших следы на их коже. Я прекрасно знаю, как выглядят подобные увечья, и не сомневаюсь в том, что подобная «красота» – вовсе не отпечаток страсти, когда мужчина слегка обхватывает твою шею во время секса. Это самая настоящая печать мертвой хватки, желания растоптать и унижить свою жертву, любимую женщину, шлюху и Богиню в одном лице. Взгляды девушек пусты и растеряны, и оценивая их сгорбленные спины, покатые плечи и мертвые глаза без намека на жизнерадостный блеск... смотрю на них, и вижу саму себя в недалеком прошлом.

Сейчас я выгляжу иначе: ежедневный уход за собой, возрождение любви к себе, исцеление временем... все это вернуло мне мою красоту и уверенность в себе, и только я знаю о том, что стоит Уиллу появиться рядом со мной, стоит ему лишь еще раз намекнуть на то, что я больше никогда не увижу Веронику, и я вновь стану открытой раной, в которую он

без труда будет загонять свои беспощадные кинжалы, пока вновь не вывернет меня наизнанку... но я не допущу этого.

Я сильная. И я смогу справиться со своим бывшим мужем. И я найду способ вернуть то единственное, за что всегда буду ему благодарна... мою дочь. Веронику.

Да, мне удалось навести внешний лоск, почистить перышки и зализать раны... но что делать с тьмой, токсичным ядом, протекающим по венам? Как долго еще я буду жить в хаосе и страхе? Жить с мыслью о том, что день, когда я буду депортирована из Англии и навсегда лишена возможности видеть свою маленькую девочку, общаться с ней, наблюдать за каждым ее шагом и взмахом черных ресниц, обрамляющих самые глубокие глаза во Вселенной, наступит завтра?

Наверное, каждая мать видит в глазах своего ребенка Космос, и я не исключение. И я очень завидую вам, если вы можете просто поцеловать ваш Космос перед сном, крепко обнять, напевая мотив колыбельной, что пела вам ваша мама. Прикасаюсь к своей маленькой Звездочке, ощущая тепло ее крошечных ручек, и то, что вы – одно целое.

Так хочется почувствовать себя под защитой, в безопасности... и, несмотря на то, что Астон сдувает пылинки с Вероники, и очень ее любит... у меня сердце разрывается на части, стоит лишь допустить мысль о том, что в один прекрасный момент его «перемкнет», и вместо груши для битья он использует не меня, а мою дочь.

Сейчас мои руки связаны. Я уже лишена родительских

прав, и единственная возможность изредка видеть свою малышку – это играть по правилам Астона. И выполнять любое его желание, взамен на встречу с Вероникой... в присутствии няни и телохранителя. Но это лучше, чем ничего. Ведь если бы не было этих коротких встреч, Вероника и вовсе бы уже не помнила меня, как свою маму.

– Я уже все рассказала. Я тогда пришла на собеседование, – неуверенно пожимаю плечами, стараясь избавиться от овевявшего нутро страха. Я остаюсь инкогнито для того, чтобы ни одна из посетительниц клуба психологической поддержки не узнала меня – конечно, не все интересуются модой, последними трендами и показами, но все же, баннеры с моими фото развешаны по всему Лондону, и поэтому, подстраховка не помешает. Зачем я вообще сюда хожу, спросите вы? Ответ прост: смотреть на свои прошлые отражения в лице этих девушек, и напоминать себе о том, что я больше никогда не позволю себе стать такой тряпкой. Ведь в конечном итоге, каждая из нас сама впустила своего личного демона в свою жизнь, добровольно ступив в его испепеляющее пламя. Мы все... просто позволили этим ублюдкам стать нашей клеткой без дверей, окон и воздуха, в которую они дозированно подают кислород, в то время, где-то в этом безумном мире существуют сотни женщин, что обрели в любимом мужчине защиту, опору и дом. Мы сами выбрали этот путь, но оглядываясь назад, я понимаю, что с Астоном у меня никогда не было выбора, в тот самый момент, когда его выбор пал

на меня. – Мой бывший муж оказался владельцем компании, в которую я устраивалась. Вопреки тому, что я его ударила, мне позвонили, предложили должность... а он начал за мной ухаживать. Так меня никогда, и никто не добивался, – внешне шею сковывает невидимым стальным ожерельем, и я сглатываю ком, вставший поперек горла. Не очень-то приятно вспоминать о том, как купилась на цветы, подарки, броские поступки и красивые обещания этого манипулятора. Он играл со мной в игру, которую мой психолог называет «ресурс-не ресурс». Иначе говоря «ближе-дальше». По этой схеме мужчина сначала дарит вам самые необыкновенные эмоции на свете, сдобривая все кинестетическими якорями, а потом на некоторое время отстраняется, делая вид, что не так уж и сильно он в вас заинтересован. И все бы ничего, таким манипуляциям легко можно противостоять, когда игрок не является Уиллом Астоном – мужчиной такого уровня, о которых обычные девушки вроде меня, даже не мечтают. В нем есть все, что обычно привлекает женщин: внешняя мужественность, целеустремленность и успешность, харизма и обаяние, статная фигура и правильные черты лица, умение убедить женщину в том, насколько она особенна и желанна... список можно продолжать бесконечно, суть от этого не изменится. Но поверьте, на моем месте могла бы оказаться любая. Но по закону подлости той самой дурой, оказалась я...

Я так нуждалась в опоре и силе. В принципе, как и лю-

бая девушкака... и первые дни все его поступки, кричали о том, что он даст мне ощущение надежности, любви, каменной стены и даже больше. Конечно, по началу я отвергала его раз за разом, с одной стороны по привычке, с другой стороны: из-за страха того, что влюблюсь и потеряю голову, в то время как нужно работать и заниматься карьерой. Мистер Астон не понимал моих отказов, и не принимал слова «нет», даже когда я стала чаще гулять со своим лучшим другом Марком – надеялась на то, что Уилл остынет к занятой девушке и оставит меня в покое, но присутствие конкурента только распалило его интерес и похищения на свидания начались с удвоенной силой. Пожалуй, переломным моментом стал тот день, когда Уилл понял, что меня не интересуют его деньги: бесконечный поток брильянтов, бельгийского шоколада и цветов, поставляемых к моей квартире, приостановился.

Раздался роковой, решающий мою судьбу стук в дверь. Я пошла открывать ее, собираясь отшить очередного курьера...

– Я уже хотела отшить очередного курьера... – продолжаю рассказывать я, набирая в легкие побольше воздуха, прекрасно понимая, что каждая из присутствующих девушек жадно слушает мою историю, которая стала бы самой красивой и романтической на свете, если бы не закончилась так омерзительно. – Но на пороге моей квартиры стоял Уилл, (фамилию своего мужа я, естественно, не называю) и он

предложил мне погулять по Лондону. Я не устояла перед его искренностью и перед тем, что он отбросил позерство и попытки меня купить. Я увидела в нем мужчину, а не очередного «папика» с кучей денег, который решит все мои проблемы. Мы весь вечер просидели в уютной кофейне недалеко от Бейкер Стрит, посетили музей Шерлока Холмса и гуляли по вечернему Лондону. Меня сильно клонило в сон, бывший муж посадил меня в машину и пообещал, что отвезет домой... проснулась я в загородном поместье, обьятом зеленью, на берегу чудесного озера. В том месте я ощутила с Уиллом такое единение... словно он взял и утащил меня подальше от всех: от прошлого и будущего, от рутины и суеты. Просто забрал в отдельный мир, созданный только для нас двоих. Мне только исполнилось двадцать, огромные розовые очки становились неприлично большими, ведь я влюблялась сильнее с каждой секундой, проведенной вместе. Весь следующий день мы провели в этом доме, и он ни разу не пытался сделать нечто такое, чего я бы ему сама не позволила... приходило ли мне в голову, что он притворяется, видела ли я жадный, даже нездоровый огонь страсти и гипертрофированного чувства собственности в его глазах? Определенно. Но, понимаете... мой бывший муж действительно умный, начитанный, интересный человек. Несмотря на то, что он та еще скотина и последний моральный урод, он умеет говорить красиво, правильно себя подать, очаровать и обаять своей внутренней силой, пленить энергетикой власти,

продемонстрировать свой потрясающий интеллект и глубокое мировоззрение. Он даже стихи мне прочитал... знал где уколоть, нашел слабое место – всегда обращала внимание на творческих личностей. Я сама и не заметила, как влюбилась, потому что *на тот момент*, он был тем мужчиной, которым я восхищалась ежесекундно, на которого с благоговением смотрела снизу вверх и это чувство непреодолимой силы рядом пьянило и кружило голову, взывая к маленькой девочке внутри меня, которая нуждалась в опоре и таком взрослом мужчине, который ее полюбит, уберезет, решит все ее проблемы, и будет таким, каким никогда не был мой отец. Я люблю своего папу, но он никогда не был целеустремленным и сильным человеком, в нашей семье все и всегда решала мама, и зачастую она содержала нас, пока папа играл в компьютерные игры или задерживался в казино, выпивал с друзьями, и просто лежал на диване, абсолютно ничем не занимаясь. Однажды, будучи маленькой, я увидела, как мама, приходя после ночной смены на работе, плачет над счетами за квартиру, бормоча себе под нос что-то про долги. Я просто подошла к ней и крепко обняла. Она так громко рыдала, что мне передалась вся ее боль и невероятная усталость, и потом, когда я стала немного старше, я поняла, что мне нужен абсолютно другой мужчина. Полная противоположность отцу – с тяжелым взглядом, и не менее железными принципами и стальной хваткой по жизни. Но, кажется, я переборщила со своими желаниями, и у такого сильного,

как мне казалось, человека, есть и другая, жуткая сторона, с которой невозможно смириться. К тому же, я поняла, что изголодалась... я хотела отношений, поняла, что выросла, и больше не могу убегать от возможностей реализовать себя, как женщину. За поведение на кастинге Уилл извинился. Убедил меня в том, что сам не понимает, что на него нашло, что просто зацепила его с первого взгляда так, что отпустить было невозможно. В том поместье у озера я отдалась ему, и он стал моим первым мужчиной. Смешно вспоминать, но я мечтала, как типичная влюбленная и очень юная девушка: о том, что он будет первым и последним... и это осознание полнейшей влюбленности, переполняющей сердце, сводило с ума, возвышая над всем миром, – наконец, мне необходимо остановить свой рассказ и перевести дыхание. Слишком трудно вспоминать о нашей первой близости с Уиллом в купе с тем, что произошло сегодняшней ночью в загородном клубе «Black Horse», когда я лишилась девственности... в третий раз в своей жизни.

Об этом мне даже рассказывать стыдно.

О том, что после родов Уилл заставил меня сделать операцию по восстановлению девственности. И у меня не было никакого выбора, кроме того, как пойти у него на поводу. До рождения Вероники он, итак, держал меня всевозможными якорями, что установил в моей душе, но после того, как на свет появилась наша дочь... я стала его любимой марионеткой и игрушкой. Любое мое непослушание, любой поступок

Уиллу наперекор, заканчивался словами: «Ты забыла, что ты здесь никто, моя шлюшка? Хочешь уйти от меня? Катись к черту. Да только о Веронике забудь. Ее я тебе не отдам и ни за что не позволю увезти в Россию, и ты знаешь, на чьей стороне будут власти Великобритании – страны, где и родилась моя дочь. Ты же знаешь, что мне ничего не стоит лишить тебя родительских прав, детка.»

Мороз по коже, стоит лишь вспомнить парализующий своим холодом тон его голоса. В итоге, Астон выполнил свое обещание – я не имею никаких прав на Веронику. Сердце болезненно сжимается, а к глазам подступают жгучие слезы, но я давлю их в себе за темными очками, будто пуская по изнанке щек. Единственная мысль, которая не дает мне сло-маться и медленно умирать без дочери – это мысль о том, что я обязательно восстану из пепла, и найду способ вернуть Веронику.

– Наш роман закрутился со скоростью света. Я и не заме-чала, что становлюсь... другим человеком. Думаю, вам всем здесь знакомо это чувство полнейшей зависимости от муж-чины. Когда живешь от «дозы» до «дозы» его любви и эмо-ций, переживая страшнейшие ломки в душе и во всем те-ле, когда вы находитесь в малейшей ссоре. Мне казалось, что без него меня просто нет. Что я вот-вот растворюсь, ис-чезну, задохнусь, потеряюсь... он стал воздухом, которым я дышу. Мы оба много работали, и не так часто виделись... очень много спорили. Муж всегда выводил меня на негатив-

ные эмоции, но все заканчивалось сумасшедшим сексом... в моменты нашей страсти, я чувствовала себя не человеком. О да. Он был одержимым зверем, и, наверное, мне передавалось его безумие... разрушительное безумие. В постели он всегда был груб и эгоистичен, но каким-то образом все переворачивал так, что я ловила невероятный кайф, подчиняясь его воле. Стоя перед ним на коленях, ощущая его у себя во рту. Это не было физическим удовлетворением, кайфом от сексуальной близости. Это был кайф от того, что я выгляжу идеальной в его глазах. Богиней. Это стало целью моей жизни – быть идеальной для него. Быть достойной его комплиментов о том, что я самая лучшая для него. Любой его упрек в мою сторону воспринимался мною, как конец света, и мне непременно хотелось сделать нечто такое для него, чтобы возобновить «идеальность» наших отношений, укрепить мнимую любовь. Все, что возвышало меня в его жизни и его глазах, делало меня счастливой... и по каким-то причинам, я начала забывать о себе: о своих желаниях, мечтах и планах. Конечно, я этого не понимала. Не замечала, как становлюсь другим человеком, низшим существом, без собственных желаний и целей. Не понимала, что мое настроение, и вся моя жизнь стала зависеть от его решений. Мне казалось, что такой и должна быть настоящая любовь: когда ты ставишь интересы другого человека, выше своих собственных. Когда так важно видеть любовь за «послушание» в его глазах. Я никогда так не ошибалась и совершенно забыла о

том, что единственный роман, который должен стоять во главе моей жизни – это роман с самой собой. Меня полностью поглотила личность и всепоглощающая бездна Уилла, просто потому что с ним я ощущала себя живой, чувствующей, значимой. Он же всегда напоминал мне о том, как много он мне дает, и что, если бы не он, я и вовсе уже давно бы стояла за кассой в кафе общественного питания в Тюмени, – на лицах девушек застывают удивленные выражения, и я поясняю: – Город в России. Это далеко от Москвы. Здесь же моя карьера расцветала да и конфликты с Уиллом были терпимыми, пока я не снималась в белье. Наши ссоры и недопонимания скрашивали поездки на Санторини, где мы проводили вдвоем уикенды, забывая о том, что внешний, полный суеты мир и забот вообще существует.

Да и пресса, наконец, оставляла нас в покое, потому что в Лондоне наш кортеж преследовали, где бы мы ни находились. Частичкой своей незараженной им души, я понимала, что нам стоит расстаться, потому что ощущала... что потеряла себя, свою свободу и внутреннюю опору в самой себе. Да, с Астоном я полностью расслабилась, потому что он взмахом руки решил проблемы моей семьи и работы, но все же... я боялась стать той, кем я в итоге стала. В день, когда я хотела уйти от него, он сделал мне предложение. Ресторан на вершине Эйфелевой башни, утопающий в огнях Париж... ощущение эйфории накрыло меня с головой, и ни о каком отказе не могло идти и речи. Следующие несколько недель ме-

ня терзали сомнения по поводу моего согласия, но все они рассеялись, как только я узнала, что беременна от Уилла. Я всегда мечтала о том, чтобы мои дети росли в полноценной, счастливой семье. Да и Астон тогда еще был воплощением мечты и рыцаря на черном скакуне... я была счастлива, и с нетерпением ждала нашу малышку. На тот момент, мне казалось, что мое сердце переполнено любовью к этому мужчине: настоящей, светлой, искренней. Такой, что «навсегда», на всю жизнь.

Любить «вопреки», не замечать недостатки... мое мышление было стандартным и шаблонным, не отрицаю. Мне казалось, что его небольшие «заскоки» и ревность – это ничто в сравнении с целым вагоном достоинств Уилла Астона.

– В какой момент ты впервые осознала, что имеешь дело с абьюзером? – спрашивает миссис Фокс, нервно теребя пуговицу своего пиджака. Судя по раскрытым ртам и заинтересованным взглядам девушек, нам всем не хватает соленья-попкорна под мою историю. Я и сама ощущаю себя так, словно рассказываю сюжет для социальной драмы, но, увы... это главы из моей жизни.

– К Уиллу приехал племянник из штатов, на каникулы. Примерно моего возраста. Я с ним сдружилась, мы играли в монополию по вечерам и пили чай в пять часов вечера, иногда смотрели забавные Американские шоу, на которые он меня посадил. У нас были дружеские отношения, с ним всегда можно было от души посмеяться. Однажды, я пришла с

очередной съемки и увидела Дилана с разбитой губой, расщепленной бровью. На лице красовались синяки и кровоподтеки. Он заливал мне про то, что подрался с футбольными фанатами в пабе, но сердцем я чувствовала, что он мне лжет... и мои догадки подтвердила одна из служанок, которая видела, как Уилл избил Оливера. Причина мне стала предельно ясна: ему не понравилось, что Олли общается со мной, и как он выразился «только пальцем ее тронь, я тебе его отрежу». Я испугалась. Очень сильно. Но это все были только цветочки его параноидальной ревности и безумия. В тот же вечер, Уилл пригласил меня на романтическое свидание в саду особняка, но когда я спросила у него о том, почему он так поступил с Олли... – меня передергивает, когда я вспоминаю те самые кадры из жизни, которые будто происходили не со мной. – Он сгреб меня в охапку, и потащил в конюшню, (на территории его загородного особняка), где взял меня не самым традиционным образом. Такого мы еще не пробовали, и я этого совершенно не хотела. Он грубо трахал меня, до боли и крови, без подготовки, все время повторяя о том, что я грязная девочка. Грязная русская шлюха, – мой голос садится, и я не понимаю, откуда беру в себе силы произносить все это вслух. Но я из тех людей, которому нужно постоянно отпускать свою боль, «выплевывать» ее во внешний мир. В противном случае, она давно бы сожрала меня изнутри, уничтожила. И все же, если бы не темные очки, скрывающее половину моего лица, эти девушки никогда бы не услышали и

половины этой истории. – И это не было эротической игрой, это было его наказанием. Наказанием за общение и улыбки в сторону другого мужчины, пусть даже дружеские.

– Это было до рождения дочери и свадьбы? – спрашивает одна из подруг по несчастью, прикрыв рот ладонью.

– Да.

– И после подобного ты все равно вышла за него замуж? – уточняет миссис Фокс, стараясь заглушить нотки осуждения в своем голосе.

– Да, – пытаюсь защититься от их колких взглядов, пожимаю плечами, нервно сжимая кулаки. – Все плохое забывалось очень быстро... да и к таким играм я сама привыкла, потому что начала испытывать постоянное, неудовлетворимое желание. Моя плоть горела от его прикосновений, и казалось, что даже их мне мало. Лишь спустя годы, уже после развода, я узнала о том, что без возбуждающих препаратов не обошлось. Потребности моего тела в купе с полнейшей эмоциональной зависимостью от Уилла, сделали меня выпотрошенной куклой. И такие моменты начали повторяться. Муж знал, как повлиять на меня, горячо извинялся на следующее утро, одаривая теплом и лаской. Убеждал меня в том, что я должна понять его потребности, что все это было эротической игрой, и ни в коем случае не являлось насилием. Убеждал, что я сама этого хотела, что сама напросилась своим поведением, сама испытала оргазм, и не один... я кивала, не находя аргументов в противовес его словам. Ведь мне действи-

тельно в какой-то момент становилось очень хорошо, оргазм наступал и компенсировал все испытанные страдания, пере-загружал всю боль в организме, которую он причинял мне в моменты таких нападков. На коленях стоял, обнимая мои но-ги, убеждая меня в том, что я его принцесса, и вовсе никакая не шлюха. Говорил, что его просто заводит слово «грязная» и просил не обижаться на такие грубости, что тоже звучало вполне логично. Мужчин заводят такие словечки и это нор-мально – думала я. Астон убеждал меня в том, что женское «нет», это всегда «да». Согласна, бывает и так... и я, пони-маете, верила во все, просто потому что любила его или...

– Боялась одиночества? – вставляет свою едкую фразу мисс Фокс, которая естественно читает мою историю, как от-крытую книгу. Она наверняка вела терапию у сотен таких, как я.

– Да. Боялась. Я привыкла быть за мужчиной, рядом с ним, так же, как до этого долгое время привыкала к одиноче-ству. Моей зоной комфорта стала золотая клетка Уилла Ас-тона, и покинуть ее... означало для меня, сделать шаг назад. И, конечно, я не хотела возвращаться в Россию, где меня, по сути, уже никто не ждал, – хотя сейчас я многое отдала бы за то, чтобы вернуться в ту же Тюмень.

Мне все равно куда, лишь бы с Вероникой.

– Я не могла уйти, до тех пор, пока не появились реаль-но весомые причины, которые сняли радужную пелену на моих глазах. До того, как он проявил свою истинную суть

во всей красе, и я попала в больницу, я акцентировала внимание только на положительных сторонах. На его красивых обещаниях: что у нас будет пятеро детей, и самая счастливая семья на свете. И я верила ему, да и любая другая на моем месте поверила бы. Мой муж тонкий психолог, умелый манипулятор, и у его жертвы нет шансов на самостоятельное спасение. Мне нужен был тот человек, который сможет достать меня из этой ямы... им стал Марк. Мой фотограф и друг, – думаю, я больше не готова продолжать свой монолог сегодня. К сожалению, это лишь часть моей жуткой истории, и самые грязные ее подробности... боюсь, они еще впереди.

– Я чувствовала все то же самое, – всхлипывает вдруг одна из девушек, и делает то, о чем последние полчаса мечтаю я – закрывает лицо ладонями и опирается локтями на дрожащие колени.

– И я, – добавляет потерянная девушка, больше похожая на приведение – обладательница прозрачной, почти молочной кожи, на которой фиолетовые синяки выглядят особо жутко.

– И я... и до сих пор чувствую. Непрерывную боль, сжимающую в кулак сердце. Но самое ужасное то, что я до сих пор люблю своего мучителя, – произносит еще одна бледная незнакомка, глядя на меня прямо в упор. – А ты, Николь? Ты любишь его?

Я бы очень хотела ответить «нет» на этот вопрос. И когда я лежала в палате Швейцарской клиники, со сломанны-

ми ребрами, вдали от дочери, я ненавидела своего мужа, и мысленно тысячи раз сбрасывала его со скалы.

Я могла сказать, что я его ненавижу...

Но я не могла даже в мыслях произнести, что НЕ люблю его.

И даже сейчас, когда я все знаю и понимаю. После долгой терапии и исцеления, после того, как Астон отнял у меня дочь... когда я знаю, что наши отношения никогда не являлись любовью, а всегда были диагнозом и зависимостью... даже сейчас, я не могу ответить на этот вопрос.

И это меня убивает. Хочется стоять на краю обрыва и кричать во весь голос: «Отпусти! Отпусти! Отпусти меня...», пока он не сядет.

Но не отпускает, улюбок. Астон словно всегда стоит у меня за спиной, дышит мне в затылок и сжимает шею в кулаке, своей тяжелой и властной хваткой. И от него невозможно избавиться, невозможно скрыться... он всегда рядом. Он внутри. И я надеюсь, что когда-нибудь найду того, кто станет от него лекарством.

И это все при том, что я мечтаю переиграть Астона, и лишит уже его родительских прав. Я должна уберечь Веронику от ее же отца, только как это сделать? Любой мой неверный шаг... и я больше никогда ее не увижу.

Я больше никогда не увижу свою дочь.

Я чуть не завывала в голос от такой мысли, но вовремя вспомнила, что нахожусь не одна. Глубокий вдох и выдох...

и слезы отступают снова, чтобы вернуться ко мне вечером, когда я останусь одна и вдоволь нарыдаюсь.

– Что было дальше, Николь? – обращается ко мне психолог в группе психологической поддержки.

– А потом я нашла такого человека, который выносил меня из замкнутого состояния, – я вспоминаю Марка и мелкая, болезненная дрожь проходит по всему телу. Перед внутренним взором сразу пролетает череда самых жутких кадров. В день его похорон шел промозглый дождь, и я до сих пор помню, как стояла над мраморной плитой, на которой высечено его имя и годы жизни, и не верила в то, что он мог покончить с собой. Из-за моего отказа сбежать с ним на край света... он хотел меня спасти от Уилла, пообещал, что сделает все, чтобы я была счастлива. Что он найдет деньги и связи, которые помогут ему прижать к стенке моего мужа, и я с Вероникой буду в безопасности. Но на тот момент я была еще слепа, а Уилл еще не нанес тот самый роковой удар, после которого я прозрела. Я смотрю на девушек, окружающих меня, и понимаю, что мир начинает вращаться со скоростью света, размываясь на калейдоскоп блеклых пятен, тошнота подкатывает к горлу, и я больше не хочу здесь находиться. Не хочу вспоминать, не хочу рассказывать. Я думала, что так мне станет легче, но все вышло с точностью да наоборот. – Я больше не могу, простите.

– Воды? – миссис Фокс протягивает мне бутылку минеральной воды, но я понимаю, что меня вывернет наизнанку

от малейшего глотка и прямо сейчас. Воспоминания о прошлом вернули меня в стрессовое состояние жертвы, и я четко ощущаю, как сгущается вокруг меня воздух, что всегда предупреждает о наступлении панической атаки. – Выскажись до конца, Николь, тебе станет легче.

– Не сегодня, – резко встаю на ноги, да так, что стул, на котором я сидела, падает назад с действующим на нервы грохотом. – Простите, я опаздываю на работу, – шатаюсь на каблуках, я направляюсь к двери так быстро, как только могу. Находясь в полнейшем трансе, добираюсь до туалета, и трясущимися от бушующих эмоций внутри руками, включаю воду. Ополаскиваю лицо, стараясь не смотреть на свое отражение.

Этот момент я также прорабатывала с психологом. И она убедила меня в том, что я не виновата в смерти Марка. Но, знаете... когда я вспоминаю его предсмертный стих, посвященный мне, становится не по себе. Постоянно гоняю эти мысли по кругу, хочу вернуть время вспять, и поговорить с ним, убедить не делать глупостей... а самое странное – ничего в его характере не предвещало подобного поступка. Не было ни единого намека на то, что он не сможет жить без меня. А потом мне звонят, и говорят, что нашли его мертвым в своей квартире... он вскрыл себе вены, квартира была заперта изнутри.

Поднимаю взгляд на свое отражение, смахивая костяшками пальцев серые, от потекшей туши слезы.

Черт, а мне казалось, что я справилась, исцелилась... настроилась на сложную игру, в которой намерена одержать победу. Игру против Уилла. Я и в клуб, этот несчастный «Black Horse», телефон протащила чудом, рассчитывая на то, что Астон будет там и мне удастся заснять на камеру то, как «примерный отец» проводит время в компании дешевых шлюх и кокса. Но нет. Не повезло. Сегодня ночью Астона в его излюбленном загородном клубе не было, несмотря на слитую мне инсайдерскую информацию.

Зато был... кхм, молодой человек, застрявший лифт, и очередной «первый» секс в моей жизни.

Уму непостижимо. Но мое тело покрывается предательскими мурашками, приятная дрожь окутывает с ног до головы, стоит лишь вспомнить о том, как обхватываю его широкий торс ногами, ощущая глубоко внутри твердокаменный член... незнакомца. Черт побери. У меня совсем крыша поехала, иначе не скажешь. Во-первых, я пошла на огромный риск, а во-вторых... если для кого-то потрахаться с женщиной, имени которого ты даже не знаешь – норма, то я не вхожу в их число. Обычно. Но вчера что-то пошло не так, перевернулось с ног на голову.

Я захотела его. *Именно его.* Может быть, виной тому его серые глаза, глядя в которые, мне хотелось... хотелось, чтобы я встретила их раньше. Лет на пять раньше. Или спортивная фигура, и эта чертова белая рубашка, плотно прилегающая к мощному, натренированному телу. На его прессе сти-

рать можно, а сильные руки с такой легкостью и непринужденностью поднимали меня над полом... я уже молчу про ноги и бедра, в которых даже мелкие мышцы доведены до совершенства. В том, что он спортсмен, у меня почти нет сомнений. *Надеюсь, что не футболист.* Хватит с меня мужчин, связанных с футболом. Я одним извращенцем и владельцем футбольного клуба уже сыта по горло. К сожалению, в прямом смысле этих слов...

Так странно, но с ним я почувствовала себя живой. У меня не было другого мужчины, кроме Астона. А сегодня ночью... по какой-то необъяснимой случайности этот самолюбленный нарцисс зацепил мой взгляд, и я поймала себя на мысли, что впервые за несколько лет с интересом рассматриваю мужчину. И, несмотря на то, что он сидел очень далеко от меня и был занят другим женщинами, я сразу ощутила горячие волны, окутывающие мое тело, когда он кидал ответные пристальные взоры. Отворачиваясь, я чувствовала его взгляд спиной, и как бы ни старалась сосредоточиться на своей задаче, найти компромат на Астона, я не могла избавиться от волнующего и сжимающего внутренности чувства... притяжения.

Поймите меня правильно. Я так давно этого не ощущала. Я на сотни процентов была уверена в том, что мое тело больше «не работает», а сердце наглухо закрыто. Я похоронила в себе женщину, в тот момент, когда близость стала синонимом боли. Сломанные ребра срослись, синяки и шрамы на

теле побледнели. А ощущение моральной разбитости, ассоциирующееся с сексом, любовью и близкими отношениями никуда не исчезло.

До этой ночи, я думала, что умерла, как женщина. Что никто в мире, кроме Уилла Астона не способен возбудить меня и завладеть мной, что я просто не способна прикоснуться губами к губам мужчины и не ощутить острого желания помыть рот с мылом после этого. Вам знакомо это чувство, когда целуешься с неприятным тебе человеком? Попытки поцелуев, после Астона заканчивались для меня плачевно: меня выворачивало наизнанку от чужого запаха и вкуса губ, что уж говорить о большем... и вдруг, такая перемена.

Я вижу его глаза, когда он подходит ко мне со своим банальным вопросом, и сердце на мгновение отмирает, отбивая в груди рваные удары. Приятное волнение, легкий страх... искра интереса, заставляющая ощутить каждый вдох. Я будто выныриваю на поверхность, после долгого кислородного голодания под водой и делаю первый глоток воздуха.

Глаза, кажущиеся знакомыми, словно я встречала их во сне, блуждая по лабиринтам своего подсознания. Ничего удивительного в этом ощущении нет, ведь мы наверняка не раз пересекались в клубе до этого дня, и просто не замечали друг друга. А тут, как током ударило. Вспышка. Искра безумия.

Я не хотела, чтобы так вышло. Видит Бог, я хотела убе-

жать от него, как можно дальше, но сама судьба остановила этот проклятый лифт. А потом еще и виски, что расслабил внутренние зажимы моего тела, и я решила просто хотя бы несколько часов жить моментом, и провести ночь... не с Уиллом. Мне хотелось, чтобы тот, к кому я испытала внезапное притяжение, снял с меня печать прикосновений Астона, и оставил на мне свои. Освободил меня. Переписал историю. И я до последнего думала, что у нас ничего не получится по ряду причин: в любой момент у меня могла начаться паническая атака, которая возникала прежде, когда я пыталась заняться сексом ранее.

Представляю, что бы было, если бы он застал мой приступ. Сбежал бы, конечно. Мужчин не привлекают «проблемные женщины». Но в их памяти всегда остаются те, что легко идут на контакт, и также легко и быстро убегают до наступления рассвета, что я и поспешила сделать.

Не могу подвергать парня такому риску. В прошлый раз, когда Уилл заподозрил меня в связи с другим, он за два коротких звонка уничтожил карьеру молодого и успешного адвоката, которого я нанимала для того, чтобы отстоять свои права на дочь. Насколько я знаю, Джек уже несколько месяцев не может найти работу, а мы всего лишь несколько раз выпили кофе... и мне стыдно до сих пор.

Мне еще предстоит решить, что я скажу, в том случае, если вдруг Астон узнает, что я в который раз, не «девственница». Хм... сейчас он предпочитает использовать меня тем

самым способом, при котором лишать девственности необязательно. Не представляю, как я выкручусь из предстоящей ситуации, и если честно, даже думать об этом не хочу: Уилл не так часто меня трахает, чтобы я забивала этим голову прямо сейчас. Меня передергивает, стоит лишь подумать о сексе с ним... каждый раз, это настоящая моральная пытка для меня, но отказать я ему не могу, от чего на душе еще более мерзко. Бывший муж меня и не спрашивает. Все просто: за день с дочерью я плачу натурой, своими слезами и унижением. И если он прикажет мне на мгновение стать его «подставкой для ног», или ласкать себя у него на глазах всю ночь (было и такое) – мне придется сделать это. Иначе ноги моей не будет в Лондоне. Иначе я никогда больше не увижу дочь.

Ситуация, из которой нет выхода. Я загнана в ловушку, в которой нет кислорода, нет жизни и свободы. Надежды. Здесь только боль, отчаянье, и мои пустые надежды и вера в чудо. Поэтому вчера я не устояла перед соблазном... так хотелось почувствовать себя свободной.

Той восемнадцатилетней девушкой, которая еще могла встретить достойного мужчину и полюбить иначе... по-настоящему. Потому что то, что было у меня с мужем, даже в самые прекрасные моменты наших отношений – это не любовь. Это болезнь. Смертельная, неизлечимая, невыносимая.

Придирчиво разглядывая себя в зеркале, я слегка напрягаюсь: ощущение того, что с моим внешним видом сегодня что-то не так, не отпускает. И дело не в проклятом парике

и черных очках. Нервно кусая внутреннюю сторону щеки, я тяжело выдыхаю и, подкрасив губы, покидаю комнату и центр психологической поддержки, в надежде на то, что меня никто не ищет и не ждет для того, чтобы вернуть в круг отчаянных жертв, которые итак узнали сегодня слишком много обо мне.

На улице меня застает противный промозглый дождь и ветер, пробирающий до костей лютым холодом – такой частенько дует на набережных Темзы, вдоль одной из которых я сейчас и иду, нуждаясь в прогулке даже в столь неприятную погоду, когда серые и нависающие темным смогом тучи над аккуратными кирпичными домиками, больше напоминают декорации для триллера. Проходя мимо метро, я краем взгляда замечаю афишу, возвещающую о скором футбольном матче, между «Астон» и «Лестер» и сердце невольно пропускает удар. Через неделю я увижу свою девочку. Уилл обещал мне, что я могу прийти на игру и посмотреть на нее. Хотя бы издалека. Но я-то знаю, что я найду предлог пробраться в его вип-ложу, и побыть с Вероникой наедине, пока этот ублюдок наслаждается матчем и компанией своих пафосных друзей, которые без конца меряются размерами кошелька, количеством шлях и других особо «важных» достижений.

В момент, когда я достаю телефон и собираюсь позвонить бывшему мужу, вижу один пропущенный от него, и тут же ловлю себя на плохом предчувствии.

– Через неделю игра, – уверенно начинаю я, даже не здороваясь. Это такой прием: атаковать своего мучителя первой, изначально встать в позицию сильной личности, а не жертвы. – Ты обещал, что пришьлешь мне пригласительные, – стараюсь держать голос ровным, не выдавая дрожащие нотки, управляя своим судорожным дыханием.

Я больше не боюсь тебя, Уилл Астон. Тебя – нет. Единственное чего я боюсь, это навсегда потерять дочь.

По напряженному молчанию Астона по ту сторону телефонной линии, понимаю, что он недоволен моим тоном и холодным приветствием, поэтому сквозь зубы, бросаю слегка наигранным и мелодичным голосом: – Уилл, ты обещал, – стараюсь быть мягче, но не прогибаться под него. Вот видите. Он еще и слова не сказал, а я уже целый забор вокруг себя выстраиваю.

– Каким ласковым и покорным может быть твой голос, Стефания, когда тебе что-то от меня нужно. Будь добра, сохрани этот тон до нашей встречи, – от низкого и властного тембра Уилла у меня по привычке холодеет в груди, пальцы немеют, до боли впиваясь в корпус телефона. Он медленно и спокойно проговаривает слова, а мне становится так дурно, словно он кричит и на расстоянии сжимает мое горло. В этом весь Уилл Астон... для того, чтобы люди почувствовали угрозу, исходящую от него, ему можно даже тон голоса не повышать – а при реальной встрече с этим мужчиной, и вовсе достаточно лишь прямолинейного тяжелого взгляда

угольных глаз.

– Мне не «что-то» от тебя нужно, Астон. А то, что положено мне по нашему договору. В последний раз, я... выполнила все, о чем ты просил, но не видела Веронику уже три недели, – стоит лишь произнести имя своей малышки, мой голос выдает меня с головой, срывается. Я готова расплакаться прямо сейчас и умолять его, рассказать мне о ней хоть немного... как она спит? По-прежнему в обнимку с игрушкой, которую я подарила? Что нового учудила на этой неделе? Продолжает ли произносить русские слова? Ну, хоть что-нибудь.

– На игру ты не попадешь, Стефания, – безапелляционным тоном отрезает Уилл, и каждое его слово забивает остроконечные колья в мое испепеленное материнское сердце. – Моим шлюхам там делать нечего.

– Не смей меня так называть! – мгновенно вспыхиваю я, едва сдерживая себя от того, чтобы не выкинуть долбаный телефон в мрачную из-за отсутствия солнца Темзу.

– Я буду называть тебя соответствующе твоему поведению, Стефания.

– Ты обещал... у нас был договор, Астон. И если ты будешь его нарушать... то я больше не вижу смысла выполнять свою часть его условий!

– Ты будешь выполнять их, и мы оба это знаем, – размеренно заявляет Уилл, вибрирующим, полным сдерживаемого гнева голосом. От его давления, пусть и на расстоянии, у

меня начинает болеть голова, в висках будто пульсирует жгучая магма, а не кровь. – До совершеннолетия Вероники, ты полностью принадлежишь мне. Иначе, ты просто исчезнешь для нее, а ее матерью, рано или поздно станет моя новая жена. Или няня. Ну а пока... земля, на которой ты стоишь, принадлежит мне, Стефания. Воздух в этой стране, принадлежит мне. Тебе и так дано очень много, – начинает в привычной манере давить Астон, завязывая мою душу в ментальные стальные оковы. Я прикрываю глаза, и медленно выдыхаю, считая до десяти, мечтая о том, чтобы он заткнулся.

– И зачем я с тобой разговариваю? Твои обещания никогда ничего не стоили... – поддавшись эмоциям, выпаливаю я тихим шепотом, все еще сдерживая рыдания в зажатой грудной клетке.

– Я обещал, не спорю. Но это было до того, как мои люди увидели тебя в баре «ВН». В весьма откровенном платье, Стефания. Открытая спина... ты, бл*дь, серьезно, птичка?! – называя меня так ласково, пускает яд по моим венам. Нет, только не так. Не надо бросаться в меня психологическими якорями, которые ставил на меня, пока влюблял в себя. – Хочешь, чтобы я хорошенько подпортил ее в следующий раз? Я могу это устроить, спасибо за идею, моя муза. И кого ты там ловила в свои сети, русская шлюха?

Извращенец. Ублюдок. Да хоть сдери с меня всю кожу живьем, только дай побыть рядом с дочерью!

– Еще раз назовешь меня так...

– И? Что ты мне сделаешь? – надсмехается Астон, и я уже не замечаю, как царапаю камень забора, разделяющего холодную Темзу и многолюдную набережную.

– Мне не запрещалось посещать «ВН». Ты знаешь, что мои подруги часто туда ходят. Я встречалась с ними, – как можно более непринужденно занимаю четкую позицию я.

– Ложь. Ты была в баре. Одна. Не зли меня, Стефания. Не заставляй придумывать более жесткое наказание, – он на секунду замолкает, а потом тон его голоса стремительно меняется. Становится елейным, бархатным, ласковым. Этот голос принадлежит моему жениху – тому Уиллу, которого я знала до свадьбы. – Выдохни, Стефания. Прямо сейчас. Быстро. Скажи, как хочешь взять в свой горячий рот мой член, – я тороплю, ощущая, как сердце в груди замирает, а потом мчится вскачь, проламывая ребра. Он часто говорит такие слова. Бросает мне приказы, которые подлежат незамедлительному выполнению. Я с ужасом оглядываю местность, в которой нахожусь: едва ли мои грязные словечки услышит бабушка, сидящая неподалеку, но я все равно чувствую себя не в своей тарелке. Отвратительно и унижительно.

– Чего молчишь, Стеф? Я жду. Черт, я так хочу твое горло. Прямо сейчас, Стефания. Ну же, говори. Будь хорошей девочкой, и я прощу тебе вчерашний промах.

Ложь. Как только я произнесу слова, которые он с меня требует, он насладится моим унижением сполна и вновь забудет о своем обещании, заявив, что я сказала их недоста-

точно пылко и страстно. Поэтому я не нахожу другого выхода, как просто как можно скорее перевести тему, надеясь на то, что он не станет настаивать. Может мне повезет, и если он на работе, то повторять дважды он точно не станет...

– Я искала там тебя, Уилл. Это правда, – мягким, но уверенным голосом шепчу я. – Хотела поговорить с тобой лично, – надеюсь, мой тон заставит его прекратить давление.

– О чем? Соскучилась? Припоминаю, как в последний раз ты кричала и умоляла о том, чтобы я больше тебя не беспокоил. Я выполнил твою просьбу. Несказанная милость с моей стороны, не находишь?

– Я соскучилась не по тебе, Астон. Кроме как о моей дочери, мне не о чем с тобой разговаривать, – окончательно осмелев, заявляю я, пытаюсь твердо стоять на ногах, но меня начинает нехило «кружить», а давление в висках нарастает пропорционально неистовой пульсации. Я буквально ощущаю гнев, исходящий от Астона, через его тяжелое дыхание в трубку.

– У тебя нет дочери, Стефания, – глухо смеется Уилл, и я вижу перед внутренним взором его черные глаза, цвета смолы, затягивающие в свою непроглядную и непроходимую бездну мою душу. Встряхиваю волосами, пытаюсь избавиться от навязчивых образов бывшего мужа. Боль сковывает грудную клетку от его слов, и я ощущаю, как мелко дрожат мои губы, когда вспоминаю ту ночь, когда моя малышка появилась на свет, как волнительно было взять её на руки

в первый раз. В тот момент, не только время, но вся земля остановилась: я прижала её к своей груди, и не могла поверить в то, что это не сон, что это крошечная частичка меня совсем скоро станет обладательницей капризного характера и упрямого нрава.

У нее будет своя судьба, но я всегда буду держать её за руку... я хотела держать. Но не могу.

– В любом случае: тебя ждет наказание, Стеф. Больше никаких проститутских платьев, за исключением съемок. И я согласен пойти тебе на встречу, если примешь мое предложение.

– Какое? – нервно выдыхаю я, уже заранее подозревая к чему он клонит.

– То самое, Стефания. Мне повторить?

– Не заставляй меня идти на такое, Уилл. Ты обещал, что я увижу её на игре! Обещал мне! – срываюсь я, топнув каблуком по асфальту с такой силой, что подвернула ногу.

– А что такого в моем предложении, Стеф? Раз так хочется потрахаться с другим, делай это при мне.

– Я не хочу... боже, с чего ты взял?! Ты умеешь разговаривать о чем-то другом? – извращенец долбаный. – Позволь мне увидеть её... пожалуйста, – я не хочу унижаться, не хочу просить его... но желание побыть рядом с Вероникой такое острое и сильное, что я сдаюсь: даю слабинку, и вновь занимаю позицию жертвы. Я проигрываю в каждом нашем разговоре, в каждой встрече. Играя против Астона я беззащит-

на, оголена, как проводок. Открытая рана для стремительных стрел своего демона.

– Мне нравится, когда ты умоляешь, птичка. Но на игру ты не попадешь. Даже не пытайся. Я позабочусь о том, чтобы тебя не пустили, даже если ты наберешься глупости купить билет в кассе.

Следующее, что я слышу – короткие гудки, звучащие для меня, как реквием моего душевного состояния. Люди несутся мимо меня, проходят с невероятной скоростью... а у меня такое ощущение, что я одна, на необитаемом острове, заперта посреди одиночества и безмолвия уже много лет, без шансов на возвращение к жизни.

Моя жизнь ограничена лишь одним океаном, который окружает меня, где бы я ни была – Уиллом Астоном.

Я заперта в его ловушке. И это ощущение полной безысходности сводит меня с ума.

И эта ночь была для меня чертовым глотком воздуха. На который я не имела права.

* * *

После разговора с Астоном, бывший муж снова «активизировался». Он мог не писать мне целыми днями, никак не реагировать на мои не всегда скромные съемки, игнорировал мои редкие выходы в свет, не упрекая ни в чем. А мог каждый день заваливать сообщениями совершенного про-

тивоположного друг другу содержания, преследовать меня, устраивать со мной «случайные» встречи по всему городу. Уилл Астон всегда создает вокруг тебя такую атмосферу, что ты невольно начинаешь ощущать то, что он повсюду. В каждой крупице пространства. На этот раз, он засыпал меня сообщениями из серии: «Спокойной ночи, птичка. Сегодня, когда я буду трахать в рот очередную шлюху, я буду представлять тебя на её месте. Мне нужны твои мягкие губы, твой горячий рот, Стефания. И очень скоро я им воспользуюсь. И я знаю, что ты завелась, когда представила, как облизываешь мой член.», а потом слал проклятия, которые сводились к тому, что я грязная шлюха из России, которую он подобрал на улице... если бы кто-нибудь, кроме меня прочитал эти сообщения, идеальная маска интеллигентного миллиардера Уилла Астона слетела бы в одно мгновение, открыв миру обезображенный лик этого по общепринятым меркам, красавца-мужчины. У Астона идеальная репутация, хоть и глядя на него, невозможно не заметить ореол порочной ауры, которую источает все его существо: хищная улыбка, низкий голос, и стремление держать все под контролем, которое проявляется в каждом движении.

Я же, давно привыкла к таким сообщениям. Он псих, который сам не понимает, зачем я ему нужна, и почему ему так важно держать меня на коротком поводке. С Вероникой он проводит не так много времени, чтобы держаться за нее с такой силой: вариант, где я бы воспитывала её, а он бы из-

редка навещал дочь – идеален для нас обоих. Пожертвовала ли бы я огромной частью карьеры и своим будущим для того, чтобы больше времени проводить с дочерью? Несомненно. Я бы продолжала заниматься моделингом, просто перестала бы стремиться покорить вершину этого бизнеса. Хотя никакой вершины в моем деле и вовсе нет, когда-то сняться для обложки хотя бы русского «VOGUE» было моей мечтой, но в реальности я окажусь на первой странице британской версии в скором времени – через несколько дней состоится съемка, и я наконец, поработаю с фотографом, который работал с такими моделями, как Белла Хадид и Эмили Ратаковски. Детали съемки мне пока неизвестны, итальянский фотограф Джованни Монтег не делится подробностями своей идеи до начала работы.

Всю неделю Астон засыпал меня угрожающими сообщениями, чередующимися с абсолютно противоположными. Сыпал соль на мои раны, заставлял усомниться в том, что я вообще поступила правильно, когда добилась развода с ним. Его подробности я расскажу чуть позже, но лежа в Швейцарии со сломанными ребрами, рукой и другими травмами, находясь на грани между жизнью и смертью – я для себя все решила: я не смогу терпеть такое отношение к себе, даже ради дочери. И не потому, что мне не хватит сил, а потому что он просто может убить меня, находясь в приступе параноидальной ревности, и Вероника и вовсе останется без матери. Должен быть другой выход. Может, он где-то рядом...а

может, мной движет слепая надежда и вера.

«Я скучаю по тебе, Стеф. Вернись ко мне, детка. Живи со мной. Дыши со мной. Я никогда больше не причиню тебе боли. Ты будешь видеть нашу принцессу каждый день. Я задыхаюсь без тебя, птичка.» – нервно выдыхаю, читая сообщение от Уилла, которое переносит меня на несколько лет назад, в те дни, когда я еще не знала, что мой бывший муж – простите, конченный псих.

Уже после развода, он не раз прислала мне подобные сообщения, и просил прощения с фейерверком и охапками красных роз, в одном из самых романтичных ресторанов Лондона... Астон любит показуху и пафос, громкие слова – и пустые обещания; и умеет все сделать красиво, вовлечь в центр своего притяжения, магнитного поля, повести за собой... и я повелась. Какая-то больная, нездоровая, полностью зависимая от своего повелителя часть души, беззаветно любила его. Лишь однажды, я снова дала ему шанс... и закончилось все тем, что он ударил меня на глазах у Вероники. Моя умная девочка... она все понимает и чувствует. Я видела, как блестят слезы в её глазах, теряя сознание... она тянула ко мне свои маленькие ручки, и кричала «мама, мамочка...!». Я лежала на полу, и мне казалось что я умираю. В который раз. И в тот момент, я поняла, что не смогу вернуться к нему, как его жена – никогда. Каким бы адекватным и сильным для других не выглядел этот мужчина, я буду в нем истинного дьявола, зверя, нечеловеческое нечто,

способное любить и обнимать меня до хруста в костях, и избивать... до их переломов. Звучит жутко? А я уже давно не в ужасе. Рассказываю все это почти спокойно и хладнокровно. Потому что знаю, что не помогу себе слезами или давлением на жалость. Только действиями. Только хитрым планом, в котором найду слабое место мужа – то, чем я смогу его шантажировать также, как он меня Вероникой.

Мое утро начинается с овсянки на миндальном молоке и чашки капучино с долькой горького шоколада – позволяю себе сладкое только утром, хоть и жить без него не могу. Но работа модели обязывает держать себя в рамках: если до рождения Вероники я могла съесть чизкейк в любое время суток, то теперь даже крошечная конфетка, откладывается в виде отекающих боков, которых, конечно, кроме меня никто не замечает... но сегодня я слишком нервничаю, чтобы отказать себе в маленьком заедании стресса. Через два часа начинается съемка, к которой я шла много лет – я буду блистать на обложке Британского «VOGUE», и нет ничего приятнее, чем осознавать то, что этого я достигла, уже будучи не замужем. Да, мой роман с Астоном когда-то привел к взлету моей карьеры, но восстанавливалась после долгого затишья (пока проходила лечение в Швейцарии и разводилась с мужем) самостоятельно.

Перед тем, как выйти из дома, я по привычке придирчиво осматриваю себя в зеркале, и снова ловлю себя на мысли о том, что мне чего-то не хватает. Выкинув навязчивые

мысли из головы, взмахиваю упругими локонами, и покинув дом, который снимаю за пределами центра Лондона, сажусь в Mercedes, где меня уже ждет личный водитель. Дорога до студии, где будет проходить съемка проходит за просмотром ленты инстаграма, и ответов на письма и коммерческие предложения, которые отобрала для меня моя ассистентка.

Я с головой ухожу в работу, где бы ни находилась, и лишь любимое дело спасает меня от бездны, на краю которой я стою. Как бы там ни было: мысли о дочери всегда крутятся в моей голове, и с неприятным давлением в груди, я понимаю, что игра, на которой я могла бы её увидеть – состоится уже завтра. Будто отбивая такт моему унылому настроению, по стеклу автомобиля начинают бить мелкие капли дождя, и я в который раз ловлю себя на этих мыслях...

Черт возьми, у меня есть все о чем другие могут только мечтать.

Красота (от скромности не умру), обаяние, интересная жизнь, наполненная путешествиями, съемками, встречами с интересными людьми, одежда, успех, признание, возможность реализовывать свое истинное «я» каждый день... казалось бы, я должна прямо сейчас петь от счастья, но чувство одиночества сдавливает изнутри легкие так, что дышать невозможно. Тоска по дочери усугубляет ситуацию.

Ну и подруга, которая спешит мне позвонить для того, чтобы сообщить радостную новость, добивает окончательно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.